

83
581
В. И. ПАВЛОВЪ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

ЧАСТЬ II-ая

Разборъ произведеній, характеристика
дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и
подробный планъ

[N1-2]

СОДЕРЖАНІЕ:

- 1) Вѣчный странникъ („Димитрій Рудинъ“).
- 2) Неудачникъ въ личной жизни („Теодоръ Лаврецкій“).
- 3) Умница и герой („Евгеній Базаровъ“).

ИЗЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ:

- I. „Дворянское гнѣздо“.
- II. „Отцы и дѣти“.
- III. „Рудинъ“.

Книгоиздательство
М. С. КОЗМАНА въ ОДЕССѢ.

2648.6

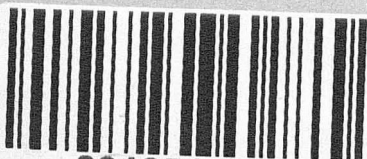
10

ор 2728-35

ОДЕССА,

Типо-литографія Книгоиздательства М. С. Козмана,
Гимназическая 3.

2010516059

W 83
581

„Вѣчный странник“

(Дмитрій Рудинъ).

Представитель людей 40-хъ годовъ и его предшественники въ художественной литературѣ. „Лишніе люди“—лучшіе люди своей эпохи. Рудинъ—лицо типичное. Рудинъ, Онѣгинъ и Печоринъ. Черты сходства и индивидуальныя черты этихъ героевъ.

Вопросы знанія и „совѣсти“ у людей 40-хъ годовъ: Западно-Европейская философія и міровая литература, „триада“ Гегеля и „все дѣйствительное—разумно“, вопросы „абсолютной истины“ и печальная дѣйствительность, перемѣщеніе центра тяжести просвѣщенія въ болѣе демократическіе слои интеллигенціи.

Рудинъ въ кружкахъ самообразованія. Интересъ къ философіи. Обобщающій умъ, красота и легкость рѣчи, даръ слова, вдохновенная импровизація—„музыка краснорѣчія“, мѣткость въ спорахъ, отсутствіе фразерства, идеализмъ и глубокая вѣра въ свое „слово“.

Биографія Рудина. Воспитаніе въ домѣ матери, развращающая атмосфера проживанія на чужой счетъ.

Роль общественно-историческихъ условій въ жизни Рудина. Неприспособленность къ практической дѣятельности и неудачи на тернистомъ пути жизни. Рудинъ и Наталья. Барская беззалаберность и лѣнь дѣйствовать при встрѣчахъ съ препятствіями. „Слова, слова, слова“!

Отсутствіе всякаго самодовольства въ Рудинѣ, сознаніе собственныхъ недостатковъ и достоинствъ.

Роль Рудиныхъ въ исторіи нашего общественнаго самосознанія.

Рудинъ не одинокъ въ нашей художественной литературѣ: онъ имѣлъ не мало предшественниковъ и современниковъ, въ лицѣ Онѣгина, Печорина, Лаврецкаго, Бельтова, этихъ такъ же, какъ и онъ, „вѣчныхъ скитальцевъ“, не сумѣвшихъ приспособиться къ окружающей дѣйствительности, неудачниковъ въ личной жизни, людей недовольныхъ ни обществомъ, ни собой. Всѣхъ ихъ, людей, различныхъ поколѣній, съ различными темпераментами, съ неодинаковыми душевными и умственными качествами, но все же родныхъ братьевъ, выбросила на арену суровой жизни та же до-реформенная Русь, та же исторія, оказавшаяся столь безжалостной къ нашему интеллигенту, оторванному не по своей волѣ отъ широкихъ народныхъ низовъ, изуродованному еще съ малыхъ лѣтъ всѣми условіями воспитанія и образованія. Въ сущности, вся русская интеллигенція того времени—20—40-хъ годовъ—въ большей или меньшей степени могла быть причислена къ этимъ „лишнимъ людямъ“, къ этимъ, по выраженію Достоевскаго, странникамъ въ родной землѣ. Но у однихъ эти элементы непригодности, неприспособленности къ жизни парализовались другими качествами ума и души и позволили имъ, такъ или иначе, найти устойчивое равновѣсіе, пристать къ опредѣленному берегу и отдать всѣ свои силы, малые и большіе, опредѣленному дѣлу. У другихъ—ихъ было подавляющее большинство—неумѣніе стать твердой ногой на родную почву приняло характеръ неразрѣшимой задачи, составило трагизмъ ихъ мятежнаго духа, и они, какъ Печоринъ, искали „бури“, желая найти въ ней „покой“, какъ Рудинъ загорались на моментъ блестящимъ фейерверкомъ и такъ же быстро потухали, какъ и воспламенялись, какъ Онѣгинъ, сбрасывали маску холодности и начинали вполнѣ искренне хандрить, какъ Лаврецкій, тихо грустили....

„Лишніе люди“, „вѣчные странники“, они въ то же время были лучшими людьми своей эпохи, наиболѣе умными, честными, чуткими и отзывчивыми людьми своего вѣка. Это—не чеховскіе герои, среди которыхъ мы найдемъ не мало неудачниковъ, также лишнихъ людей, не герои мелкихъ заботъ, маленькіе, никому не нужные люди, интересы которыхъ идутъ не дальше теплой и уютной мѣщанской обстановки. Это—и не герои безвременья 80-хъ годовъ, когда русская интеллигенція, разочаровавшись въ своихъ лучшихъ

надеждахъ, разбитая послѣ цѣлаго ряда поражений, очутилась предъ глухой стѣной и потеряла всякую вѣру въ наступленіе болѣе свѣтлыхъ дней. Чеховскіе неудачники не хотѣли и не знали никакихъ идеаловъ, люди 80-хъ годовъ все-же извѣдали битвы, но Онѣгины, Печорины, Рудины въ битвахъ не могли или скорѣе не умѣли принять участія. Они-только лучшіе люди своего времени, съ мучительнымъ душевнымъ разладомъ, герои слова, не дѣла, безъ энергіи, безъ силы воли.....

Димитрій Николаевичъ Рудинъ, главное дѣйствующее лицо романа Тургенева „Рудинъ“, пожалуй, наиболѣе яркій и типичный представитель такихъ людей....

Въ Рудинѣ нѣкоторые наши критики готовы были увидѣть не лицо типичное, не представителя цѣлаго поколѣнія русской молодежи, но почти подлинный портретъ, списанный Тургеневымъ съ живого, современнаго его лица. Это, несомнѣнно, ошибочно. Если нѣкоторыми своими положительными и отрицательными чертами Рудинъ и напоминаетъ намъ извѣстныхъ, выдающихся современниковъ и друзей автора романа, то все-же это далеко не равносильно тому, чтобы увидѣть въ нашемъ героѣ болѣе или менѣе точную копію живого лица. Рудинъ—лицо типичное, лицо сконцентрировавшее въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всю сумму характерныхъ для поколѣнія 40-хъ годовъ чертъ, и только потому онъ могъ намъ напоминать того или другого изъ извѣстныхъ въ ту эпоху лицъ, въ каждомъ изъ которыхъ, какъ мы говорили выше, было много рудинскаго, положительнаго и отрицательнаго рудинскаго.

Такимъ то образомъ, Димитрій Николаевичъ Рудинъ насъ можетъ интересовать только постольку, поскольку въ въ его лицѣ—человѣкѣ своего вѣка, человѣкѣ, заблужденія, ошибки и промахи котораго, такъ же какъ и весь пройденный имъ путь, всѣ его сильныя и слабыя стороны, явились правильнымъ отраженіемъ опредѣленной эпохи въ жизни образованнаго русскаго общества....

Рудинъ—человѣкѣ 40-хъ годовъ, но въ немъ мы отыщемъ нѣкоторыя черты людей прежнихъ поколѣній—пушкинскаго Онѣгина и лермонтовскаго Печорина. Какъ и въ Онѣгинѣ, въ немъ много холодности, какъ и въ Печоринѣ—много самолюбія, болѣзненнаго самолюбія, большое желаніе выдаваться надъ людьми окружающими. Но новое

время наложило на него свой сильный отпечатокъ, надѣлило многими новыми чертами, по сравненію съ предшественниками значительно облагородило, преобразовало его внутренній міръ и, хотя и сдѣлало тѣмъ же лишнимъ, тѣмъ же почти бесполезнымъ гражданиномъ, неудачникомъ, такъ печально окончившимъ свой вѣкъ, но все же замѣтно выдѣлило надъ всѣми предшественниками.

И это вполне понятно. Поколѣніе 40-хъ годовъ жило болѣе интенсивной умственной и душевной жизнью, чѣмъ поколѣнія 20—30-хъ годовъ. Европейская образованность перестала играть роль чего-то наносного, поверхностнаго; диллетантизмъ Онѣгиныхъ: — „мы всѣ учились по немногу, чему-нибудь, да какъ-нибудь“ — не могъ уже удовлетворять лучшихъ людей новаго времени, и они съ болѣе живымъ интересомъ отдавались основательному изученію всего, что вырабатывала сильная европейская мысль. Такимъ то образомъ, Рудины долго и много изучали западную философію, были близко знакомы съ міровой литературой и вполне искренно преклонялись предъ авторитетами Гегеля, Шеллинга, Гете, Шиллера, Байрона. Еще со студенческой скамьи начиналось это знакомство со всѣмъ научнымъ багажемъ 3. Европы; въ небольшихъ дружескихъ кружкахъ шли нескончаемые споры и обсужденіе всего прочитаннаго, и молодежь, принимавшая участіе въ этихъ кружкахъ, оставляла университетскія аудиторіи съ большимъ запасомъ знаній, приобрѣтенныхъ въ сторонѣ отъ официального преподаванія. Больше того, эти знанія отливались теперь въ иную форму, чѣмъ въ предшествовавшія десятилѣтія. Въ нихъ, въ этихъ несравненно болѣе глубокихъ знаніяхъ, не смотря на всю подчасъ метафизическую отвлеченность, было много практической гуманности, и люди, готовые, казалось, забыть всякую дружескую привязанность изъ-за разногласій въ толкованіи „абсолютной истины“, не забывали всѣхъ печалей, всѣхъ неурядицъ въ окружавшей ихъ обстановкѣ родной страны: Гегелевская „тріада“ не позволяла забыть непримиримую картину крѣпостного права, и знаменитое положеніе: „все дѣйствительное—разумно“—не распространяло этой „разумности“ на положеніе Антоновъ Горемыкъ, Хорей и Калинычей.

Эта неодинаковая у людей 20-хъ—30-хъ и 40-хъ годовъ восприимчивость къ вопросамъ знанія и „совѣсти“

находила свое объясненіе помимо многого другого еще и въ томъ, что центръ тяжести просвѣщенія довольно стремительно перемѣстился изъ одного круга интеллигенціи въ другой: изъ великосвѣтскихъ салоновъ въ сравнительно болѣе демократическіе слои образованнаго общества, сильнѣе и глубже реагирующаго на „проклятые вопросы“. Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ современныхъ критиковъ: *). „Въ 40-хъ годахъ центръ умственной жизни перемѣщается въ „средній“ классъ—богатаго, зажиточнаго и бѣднаго дворянства, съ присоединеніемъ болѣе зажиточнаго числа лицъ изъ другихъ „низшихъ“ слоевъ. Общій душевный обликъ этихъ людей былъ уже не тотъ, какой мы находимъ у представителей мыслящей части великосвѣтскаго круга. Наслѣдственные черты дворянскаго, помѣщичьяго склада, барскаго воспитанія и столь же барскаго отношенія къ вещамъ и людямъ, конечно, сохранялись,... но онѣ уже значительно смягчались общеніемъ съ „разночинцами“, вліяніемъ философскаго образованія, широтою и разнообразіемъ умственныхъ интересовъ... Эти баричи уже не переходили изъ студентовъ въ офицеры, рѣдко и лишь случайно появлялись въ великосвѣтскомъ и чиновномъ кругу и жили обособленною жизнью въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, гдѣ умственные и нравственные интересы преобладали надъ всѣми прочими“. Такова была атмосфера, окружавшая людей 40-хъ годовъ, и, присмотрѣвшись ближе къ Рудину, къ его прошлому и настоящему, мы легко отыщемъ въ нашемъ героѣ всѣ эти новыя черты, такъ выгодно выдѣляющія его надъ старшими братьями.

Рудинъ, какъ и всѣ лучшіе люди 40-хъ годовъ, въ свое время принималъ самое дѣятельное участіе въ кружкахъ самообразованія и очень много вынесъ изъ этихъ горячихъ, искреннихъ споровъ „о Богѣ, правдѣ, будущности человѣчества, о поэзіи....“ Кружокъ не могъ, понятно, дать всего, и Рудинъ помимо него работалъ надъ своимъ самообразованіемъ, какъ въ періодъ студенческой жизни въ Россіи, такъ и во время своего пребыванія въ заграничномъ университетѣ. Духъ времени—жажда философскихъ истинъ—наложилъ свой сильный отпечатокъ, и Рудинъ главнымъ

*) Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи.

образомъ интересуется философіей, въ которой, при своихъ недюжинныхъ способностяхъ, приобрѣлъ большія познанія, и легко и умѣло справлялся со всѣми запутанными вопросами гегеліанства и шеллингіанства. „Онъ прочелъ немало,—говорить про него Лежневъ, но читалъ философскія книги, и голова у него была такъ устроена, что онъ тотчасъ изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлая, правильная нить мысли, открывалъ „духовныя перспективы“....

Рудинъ, дѣйствительно, обладалъ очень тонкимъ умѣніемъ обобщать всевозможные вопросы. Во всякій вопросъ, съ перваго взгляда весьма ничтожный, умѣлъ онъ вкладывать много мѣткихъ и удачныхъ обобщеній. Говорить-ли онъ о музыкѣ, о поэзіи, о простыхъ житейскихъ вопросахъ, повсюду виденъ этотъ обобщающій философскій умъ, тонкими нитями сплетающій красивый, пестрый коверъ.

Наряду съ этой чертой, въ Рудинѣ замѣтно выдѣлялась и другая черта, столь характерная для него, чловѣка 40-хъ годовъ: красота и легкость рѣчи. Рудинъ обладалъ всѣми качествами опытнаго и талантливаго оратора, умѣющаго „глаголомъ“ жечь сердца людей“; онъ заставлялъ своихъ слушателей внимать всѣмъ положеніямъ его гибкой, какъ сталь, красивой, переливающейся всѣми цвѣтами радуги рѣчи, ибо въ ней слышенъ былъ не простой говорунъ, но пылкій и искренній защитникъ всего добраго и свѣтлаго, и въ словахъ звучали ноты необычайнаго подъема, божественный даръ народнаго трибуна. Рудинъ—трибунъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ зажигать пламя въ груди слушателей, заставивъ ихъ позабыть всѣ свои мелкія житейскія заботы и отдаться безраздѣльно во власть того, кто призываетъ ихъ „на высокія вершины“, съ которыхъ открывается необъятный просторъ и вся красота окружающаго міра. Не напрасно поэтому тотъ же Лежневъ говорилъ, что послѣ рѣчей Рудина всѣ слушатели „чувствовали себя какъ бы вѣчными сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому“. Въ такихъ же почти словахъ и Тургеневъ характеризуетъ эту способность своего героя: „... Вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили къ нему

на уста, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва ли не высшей тайной—музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердецъ, заставлятъ смутно звенѣть и дрожать и другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь, но грудь его высоко поднималась, какія то завѣсы разверзались предъ его глазами, что то лучезарное загоралось впереди“. Въ своихъ рѣчахъ Рудинъ проявлялъ себя и какъ мѣткій спорщикъ. Съ нимъ спорить Лежневъ, спорятъ другіе; постепенно, шагъ за шагомъ, онъ цѣлымъ рядомъ логическихъ, обоснованныхъ положеній побѣждаетъ своихъ противниковъ и торжествуетъ надъ ними, торжествуетъ не безсодержательными фразами, но красивыми, глубоко содержательными мыслями.

Приглядѣвшись ближе къ нашему герою, мы найдемъ въ немъ еще и другія, безусловно симпатичныя черты. При всей своей любви къ фразѣ, которая, по собственнымъ словамъ Рудина, „сгубила“ его, онъ не фразеръ и не крикунъ, не человѣкъ въ плащѣ, подобно Онѣгину. Въ немъ много внутренней чистоты, искренности и благородства и достаточно ума, чтобы не пожинать лавровъ напускной холодностью и мнимо-байроновскимъ презрѣніемъ къ людямъ. Рудинъ глубоко вѣритъ въ то, что говоритъ и проповѣдуетъ, ему все это дорого, это часть его собственной, неустанно ищущей души. Если онъ, говоря словами одного критика, можетъ горѣть только вспышками, но не ровнымъ нормальнымъ огнемъ, то за то въ эти моменты „вспышки“ онъ, дѣйствительно, великъ въ своей вѣрѣ въ правоту защищаемого имъ дѣла, дѣйствительно, отдастъ во имя проповѣдуемаго имъ все, даже пожертвуетъ своей жизнью и съ радостью погибнетъ, какъ безстрашный герой, защищая высшую для него правду... Такимъ образомъ, предъ нами идеалистъ, благородный рыцарь, достойный полного уваженія.

Но гдѣ же корень Рудинской слабости, въ чемъ проявились наиболѣе характерныя черты его непригодности къ жизни, гдѣ, наконецъ, основа его мучительнаго душевнаго разлада?

Обратимся къ его біографіи, рассмотримъ вкратцѣ жизнь нашего героя и тогда, пожалуй, мы найдемъ отвѣтъ

на всѣ поставленные нами вопросы, узнаемъ, въ чемъ трагизмъ безпокойной, мятежной души Дмитрія Рудина.

Рудина воспитала мать, безконечно любившая своего единственного сына, на котораго она тратила всѣ свои средства, лишь бы избавить своего Митю отъ всякой заботы о пропитаніи. Потомъ ему оказывалъ поддержку дядя, котораго смѣнилъ какой то богатый князь, и, наконецъ, богатая барыня. Во время своего пребыванія въ университетѣ Рудинъ не стѣснялся брать много денегъ взаймы, при чемъ денегъ этихъ никогда не возвращалъ, хотя, правда, и самъ щедро раздавалъ ихъ, когда имѣлъ. Уже это одно проживаніе на чужой счетъ не могло не отразиться губительно на выработкѣ характера. Тѣ знанія, которыя Рудинъ приобрѣлъ въ послѣдствіи, при всей своей отвлеченности все же не шли въ разрѣзъ съ практической жизнью, напротивъ, значительно возбуждали интересъ и сочувствіе къ ней, но вся общественно-историческая обстановка того времени—крѣпостное право, желѣзные тиски дореформеннаго режима—не позволила развернуться недюжиннымъ силамъ и съ жестокой принудительностью толкала въ сторону отъ практической дѣятельности, отъ пракческаго примѣненія своего дарованія. Не забудемъ, что только очень и очень немногіе изъ лучшихъ людей того времени избѣгли судьбы Рудиныхъ, но это были исключительныя натуры, счастливыя единицы, изъ которыхъ, напримѣръ, Герценъ и Огаревъ, не могли найти для себя иного выхода, какъ удалиться „на другой берегъ“ и оттуда говорить съ своей родиной! Такимъ образомъ, и воспитаніе и общественно-историческая обстановка не могли не надломить Рудина, не могли не сдѣлать его лишнимъ, ни къ какой дѣятельности непригоднымъ человѣкомъ.

Рудинъ, вступивъ въ жизнь съ богатымъ запасомъ знаній, искреннимъ и талантливымъ идеалистомъ, долженъ былъ съ первыхъ же своихъ шаговъ почувствовать, что его ждетъ впереди не широкая дорога полезной практической дѣятельности, но долгіе годы мучительнаго, бесплоднаго скитанія. Онъ узналъ, что въ сущности даже „не знаетъ Россіи“, и послѣ двухъ-трехъ опытовъ понялъ, что прошлое, какъ стопудовая гиря, тянетъ, пригибаетъ къ землѣ и не позволяетъ выпрямиться. Въдъ первая, лучшая пора жизни не приучила ни къ упорному труду, ни къ настойчивости не закалила своими бурями и невзгодами, не выработала

твердой воли и умѣнья увѣренно, ничѣмъ не смущаясь, ни предъ какими препятствіями не останавливаясь, идти и идти безостановочно къ намѣченной цѣли, хотя бы и далекой, хотя бы и лежащей „тамъ за далью непогоды“, по ту сторону высокихъ, трудно переходимыхъ горъ! И когда послѣ всего этого Рудинъ захотѣлъ отдаться живому, практическому дѣлу, удивительно ли, что онъ терпѣлъ одно поражение за другимъ, одну неудачу сильнѣе другой, что все „не клеилось“, что приходилось бросаться изъ стороны въ сторону. Полной неудачей закончилась дѣятельность Рудина въ имѣніи богатаго помѣщика, фантастическій планъ превратить обмелѣвшую руку въ судоходную, его, наконецъ, педагогическая дѣятельность. Могло ли это быть иначе?! Практическая дѣятельность требовала, прежде всего, умѣнья взяться за такія дѣла, требовала любви къ упорному труду, настойчивости въ виду препятствій. Но ко всему этому Рудинъ не былъ способенъ, ибо жизнь ему представлялась „праздникомъ“, и онъ не хотѣлъ знать, не могъ знать, что подлинная дѣйствительность—только сѣрыя будни, работа крота въ подземной норѣ...

Рудинъ, неприспособленный къ жизни, въ сущности даже боится ея. Вспомнимъ его отношеніе къ чуткой симпатичной Натальѣ. Рудинъ покорила ея сердце своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, и Наталья рѣшилась всецѣло отдаться герою своего романа, пойти за нимъ, куда бы онъ ее ни повелъ, ибо она была увѣрена, что онъ можетъ ее повести только по пути къ истинѣ и свѣту. И только во имя этого Наталья готова была сдѣлать такой рѣшительный для нея шагъ, какъ уйти изъ родительскаго дома и броситься въ неизвѣстную даль, рука объ руку съ любимымъ человекомъ. Но въ рѣшительную минуту Рудинъ отступилъ, ибо ясно представилъ себѣ, что любовь къ такой дѣвушкѣ предъявляетъ къ нему большія требованія. Рудинъ понималъ, что предъ этими требованіями ему не устоять, и онъ ушелъ отъ Натальи, ушелъ, разбивъ свое личное счастье.

Неумѣніе стать твердой ногой на родную почву и боязнь властныхъ требованій суровой жизни тѣсно связаны у Рудина съ двумя другими, очень типичными для людей его поколѣнія чертами: лѣнью и беззалаберностью. Рудинъ—лѣнивъ, хотя и не по обломовски лѣнивъ. Онъ не станетъ по 20 часовъ въ теченіе сутокъ валяться въ постели и ни-

когда не опустится до полуживотного времяпрепровождения героя Гончарова. Ни живой темпераментъ, ни весь его мятежный духъ не позволятъ Рудину погрузиться въ спячку Ильи Ильича. Но когда необходимо взяться за дѣло и довести его до конца, когда нужно сбросить перчатки бѣлоручки-аристократа и, какъ простой чернорабочій, трудиться, тогда нашъ герой пасуетъ, не хуже Обломова, тогда онъ теряетъ энергію и уходитъ, не успѣвъ ничего сдѣлать. Взявшись за какое либо дѣло, Рудинъ только въ первый моментъ готовъ вложить въ него всю свою душу, но вскорѣ начнетъ все дѣлать спустя рукава и предпочтетъ роль наблюдателя роли самостоятельнаго дѣятеля. Тутъ въ немъ проявляется какая-то барская беззалаберность, избалованный дворянинъ, съ ранняго дѣтства избавляемый отъ всего, что требуетъ затраты малѣйшей энергіи, малѣйшихъ усилій. До начала дѣла Рудинъ начнетъ много и красиво говорить объ этомъ же дѣлѣ, нарисуетъ намъ далекія перспективы, согрѣетъ насъ теплыми лучами, а когда сейчасъ же, при первыхъ условіяхъ, окажется, что путь къ намѣченному дѣлу, хотя бы и небольшому, дологъ и тернистъ, тогда эти красивыя слова такъ и окажутся только словами, а дѣло будетъ позабыто, заброшено, и Рудинъ отойдетъ отъ него въ сторону. Не характерны ли для Рудина эти встрѣчи съ Наталіей?! „Вы должны трудиться“—говоритъ Наталья—„стараться быть полезнымъ. Кому же какъ не вамъ...“ Рудинъ сначала безнадежно махнулъ рукой, а потомъ.... „слова его полились рѣкой“, иронически замѣчаетъ Тургеневъ.

Эти разговоры, это взвинчиваніе самого себя красивыми фразами приносили Рудину утѣшеніе и успокоеніе, правда, только временное. Самъ увлекаясь „музыкой краснорѣчія“ и увлекаая имъ своихъ слушателей, онъ въ такіе моменты—ихъ было слишкомъ много въ жизни Рудина—чувствовалъ себя въ роли бойца, человѣка, творящаго большое и полезное дѣло. Дѣла, понятно, не было, были слова, только одни слова!

Только слова, одни слова—въ этомъ весь трагизмъ Рудина, ибо онъ „неосторожно переступаетъ эту границу, которая отдѣляетъ слово, какъ орудіе пропаганды, какъ силу просвѣтительную, отъ слова, какъ легкаго и пріятнаго способа отдѣлаться отъ дѣла разговоромъ о немъ, о его необходимости“. (Овсяннико-Куликовскій).

Намъ приходится вернуться къ одной, безусловно симпатичной для Рудина чертѣ, къ тому, что такъ выгодно выдѣляетъ его надъ всѣми предшественниками. Въ Рудинѣ, по сравненію, напримѣръ, съ Онѣгинымъ, нѣтъ никакого самодовольства, Рудинъ знаетъ себя, сознаетъ свои недостатки и нисколько не винить въ нихъ „пустой свѣтъ“. Неустанно, какъ коршунъ тѣло Прометея, терзаетъ онъ свою собственную душу, болѣзненно копаясь въ своемъ „я“, и мучительно страдаетъ отъ всѣхъ своихъ неудачъ, отъ всей своей лишней, скитальческой жизни, безполезной, по его мнѣнію, для другихъ и для него самого. „Мнѣ природа дала много, но я умру, не оставивъ по себѣ никакого слѣда“—пишетъ онъ Натальѣ. А когда Лежневъ во время послѣдней встрѣчи съ Рудинымъ хотѣлъ найти для своего измученнаго, разбитаго жизнью друга слова не то утѣшенія, не то оправданія безполезно пройденнаго пути и говорилъ Рудину: „Огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ“, „лишній человѣкъ“ съ болью и горечью, но вполне искренно и правдиво такъ охарактеризовалъ себя: „Фраза меня сгубила, она заѣла меня, я до конца не могъ отдѣлаться отъ нея... *Слова, все слова, дѣлъ не было*“.

„Слова, все слова, дѣлъ не было“,—какъ это глубоко вѣрно! Но скажемъ ли мы поэтому, что существованіе Димитрія Николаевича Рудина, цѣлаго поколѣнія Рудиныхъ, было совершенно безполезнымъ, что умирая этотъ „вѣчный странникъ“ могъ сказать только одно: „Я умру, не оставивъ никакого слѣда“?! Нѣтъ, Рудины все же не напрасно прожили свой вѣкъ, не безполезна была ихъ страдальческая, мятежная жизнь.

Они явились на беспощадную битву жизни съ слишкомъ ничтожнымъ запасомъ энергіи, безъ сильной воли, безъ умѣнья настойчиво и упорно идти къ своей цѣли. Они сами ничего не совершили, они терпѣли на каждомъ шагу неудачи, и только однѣ неудачи, и не нанесли ни одного сильнаго удара своимъ противникамъ. Какъ „перекати—поле“, ихъ бросало изъ стороны въ сторону, и повсюду, гдѣ она жили, гдѣ они встрѣчались съ другими людьми, были слова, одни слова. Но Рудины были благородны, искренни, честны, были умны, талантливы, и слова ихъ не могли оказаться безцѣльными, безполезными. Въ этихъ словахъ звучало много любви къ правдѣ, къ истинѣ,

къ свѣту, въ нихъ было много хорошаго, добраго, и они не могли не найти отклика въ чуткихъ душахъ тѣхъ, кто воспитался и жилъ при иныхъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ, кто, какъ Наталья и Басистовъ, избавлены были отъ вѣчныхъ скитаній и непрерывныхъ неудачъ Рудиныхъ. Въ юныя, благородныя сердца глубоко западали слова Рудиныхъ, претворялись въ дѣло, полезное и удачное... И вѣдь правъ же былъ Лежневъ, когда говорилъ: „Мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ могъ насъ расшевелить и согрѣть!.. Онъ (Рудинъ) не сдѣлалъ самъ ничего...., но кто вправѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы, что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять собственные замыслы“.

Да, не могла оказаться бесполезной жизнь человѣка, въ которомъ, не смотря на всѣ его недостатки, все же „огонь любви къ истинѣ горитъ“, жизнь человѣка, который такъ умѣлъ вѣрить въ высшую правду, въ высшую справедливость и во имя этого такъ красиво, такъ героически умираетъ на баррикадѣ, никому неизвѣстный, въ чужой странѣ, среди чужихъ ему людей....

Неудачникъ въ личной жизни

(Феодоръ Лаврецкій).

Лаврецкій и Рудинъ. Черты сходныя и различныя.

Страничка изъ жизни рода Лаврецкихъ: Андрей, Петръ Андреевичъ, Иванъ Петровичъ Лаврецкіе.

Воспитательная система Ивана Петровича Лаврецкаго; вредное ея вліяніе на нашего героя. Вліяніе тетки Глафиры Петровны.

Результаты полученнаго Лаврецкимъ воспитанія: незнакомство съ народомъ, со всей окружающей обстановкой, отвращеніе къ труду, нелюдимость, недовѣрчивость къ людямъ.

Жизнь Лаврецкаго въ Москвѣ. Университетъ, знакомство съ Михалевичемъ, жажда знаній.

Варвара Павловна Коробьина; первая любовь Лаврецкаго. Лаврецкій и Варвара Павловна. Совмѣстная жизнь, разрывъ съ женой.

Любовь къ Лизѣ Калитиной. Новая неудача Лаврецкаго.

Культъ любви у людей 40-хъ годовъ и отношеніе къ нимъ людей 60-хъ годовъ. „Оправданіе“ Лаврецкихъ. „Романтизмъ“ Лаврецкихъ и предшествующихъ поколѣній.

Отсутствіе опредѣленной партійности у людей типа Лаврецкаго. „Славянофильство“ Лаврецкаго. Преклоненіе предъ „народной правдой“.

Сила воли Лаврецкаго. Трагизмъ въ жизни Лаврецкаго. Успокоеніе въ маломъ дѣлѣ.

Лаврецкій, какъ и Рудинъ, человекъ 40-хъ годовъ. Мы найдемъ у нихъ много родственнаго, близкаго, но еще больше—чуждаго, далекаго, что не позволяетъ причислить ихъ, людей одного и того же поколѣнія, къ одинаковому

типу неудачниковъ, „лишнихъ людей“. Оба они—въ равной степени продуктъ всей нашей общественно-исторической обстановки, жертвы ненормальныхъ условій воспитанія, хотя и различныхъ, но одинаково вредныхъ. Тотъ и другой не хотѣли идти по протореннымъ путямъ стараго поколѣнія и неустанно искали иную, лучшую, болѣе разумную и болѣе красивую жизнь. Оба они—искренны, чисты и благородны во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, люди, думающіе о другихъ, чуткіе и умные люди, съ тонкой душевной организаціей. Наконецъ, тотъ и другой, Рудинъ и Лаврецкій, терпѣли много неудачъ, тотъ и другой—„вѣчные скитальцы“, на которыхъ наложили свою суровую и въ то же время и облагораживающую печать годы скорбнаго, тяжелаго жизненнаго пути...

Еще больше въ нихъ неродственного, далекаго. Рудинъ несравненно талантливѣе, болѣе блестящъ, но въ немъ нѣтъ и тѣни энергіи и воли Лаврецкаго, нѣтъ его упорства и настойчивости. Лаврецкій—неудачникъ только въ личной жизни, въ общественной—онъ все же нашелъ примѣненіе своимъ силамъ и нѣкоторое удовлетвореніе. Рудинъ—неудачникъ въ общественной жизни, и только съ этой стороны мы можемъ говорить о его душевныхъ страданіяхъ, о его трагизмѣ, только съ этой стороны насъ интересуютъ всѣ его разбитые планы, его невозможность „остановиться“, его горемычность. Всесильное прошлое тяготѣло надъ Рудинымъ сильнѣе, чѣмъ надъ Лаврецкимъ, но сильнѣе было его вліяніе на будущее, на подрастающее поколѣніе, ибо онъ больше жилъ мыслью объ общественномъ благѣ, больше любилъ „истину“, „правду“ и „красоту“...

Лаврецкій вышелъ въ изображеніи Тургенева болѣе цѣльнымъ; къ нему нашъ писатель отнесся съ большей симпатіей, чѣмъ къ Рудину. Но все же это не позволить намъ поставить Лаврецкаго выше Рудина, не позволить отдать первому, человѣку 40-хъ годовъ, предпочтеніе предъ вторымъ, также человѣкомъ 40-хъ годовъ...

Обратимся, прежде всего, къ біографіи рода Лаврецихъ. Эта весьма интересная страничка изъ жизни дореформеннаго дворянства намъ важна одной своей стороной: въ прошломъ Лаврецихъ—прадѣда, дѣда и отца героя—мы отыщемъ ключъ къ пониманію неудачъ главнаго дѣйствующаго лица „Дворянскаго гнѣзда“, узнаемъ, что было перво-

причиной разбитой жизни Θεодора Лаврецкаго что, какъ мрачная и зловѣщая тѣнь, неустанно сопутствовало нашему „кающемуся крѣпостнику“, только послѣ долгаго и тяжелаго опыта, только послѣ ряда несбывшихся надеждъ нашего нѣкоторое успокоеніе въ маломъ, но полезномъ дѣлѣ.

Родъ Лаврецкихъ—старинный, знатный, богатый. Прадѣдъ героя—Андрей Лаврецкій—былъ человѣкъ деспотическаго нрава, жестокой, очень умный и очень самоуправный, алчный и безумно щедрый. Такова была и его жена, „пучеглазая, съ ястребиннымъ взглядомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная...“ Противоположнаго нрава былъ дѣдъ, сынъ Андрея Лаврецкаго, Петръ Андреевичъ, „простой степной баринъ, довольно вбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хѣббосоль и псовый охотникъ...“ Онъ плохо управлялъ своимъ имѣніемъ, дворню избаловалъ и окружилъ себя приживальщиками, дармоѣдами, безъ которыхъ не могъ жить и скучалъ, но которыхъ въ то же время презиралъ. Было у него двое дѣтей: сынъ Иванъ, отецъ Θεодора Лаврецкаго, и дочь Глафира. Иванъ воспитывался въ домѣ богатой тетки, старой княжны Кубенской, а послѣ ея замужества переселился въ домъ отца, съ которымъ скоро разссорился, когда рѣшилъ жениться на простой дворовой дѣвкѣ Маланьѣ. Послѣ ссоры съ отцомъ Иванъ Петровичъ поселился за границей, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ и вернулся обратно на родину лишь тогда, когда получилъ извѣстіе о смерти отца. Изъ за границы онъ вернулся „англоманомъ“, усвоилъ въ совершенствѣ все внѣшнее европейской культуры и прѣхалъ съ нѣсколькими готовыми планами о переустройствѣ Россіи. (Это было въ началѣ царствованія Александра I-го. Иванъ Петровичъ прежде всего сталъ вводить преобразованія въ собственномъ домѣ: удалилъ всѣхъ приживальщиковъ, отказался принимать прежнихъ гостей, завелъ новую мебель, плевалницы, колокольчики, умывальные столики, одѣлъ прислугу въ новыя ливреи... и только. Крестьянамъ жилось какъ и при прежнемъ баринѣ, но „только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣй, да мужикамъ запретили прямо обращаться къ Ивану Петровичу“. На совершенно новую ногу поставлено было и воспитаніе юнго Феи.

„Я изъ него хочу сдѣлать человѣка, прежде всего, иhomme и не только человѣка, спартанца“, такъ сказалъ Иванъ Петровичъ сестрѣ своей Глафирѣ, и принялся за воспитаніе сына, которому шелъ тогда уже 12-ый годъ. Отецъ одѣли въ шотландскій костюмъ, приставили къ нему молодого швейцарца, опытнаго учителя гимнастики, запретили заниматься музыкой, ибо отецъ нашель, что „музыка—занятіе недостойное мужчины“. На физическое воспитаніе было обращено особенное вниманіе. Мальчика „будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодной водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ одинъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета“. Параллельно онъ изучалъ естественныя науки, международное право, математику, обучался столярному ремеслу и долженъ былъ ознакомиться „для поддержанія рыцарскихъ чувствъ“ съ геральдикой. Въ немъ старались выработать твердость воли и обязали вносить ежедневно въ особую книгу итогъ истекшаго дня. А когда Θεодору было 16 лѣтъ, отецъ счелъ полезнымъ дать сыну рядъ наставленій объ отношеніи къ женщинѣ. Наставленія эти сводились къ тому, что необходимо презирать „женскій полъ“, и вотъ „нашъ молодой спартанецъ, съ робостью въ душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ...“ И вся эта воспитательная система въ цѣломъ „сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ головѣ притиснула“.

Трудно сказать, было ли такое воспитаніе хуже того, которое получилъ Лаврецкій до пріѣзда отца, когда его воспитывала тетка Глафира Петровна. Если Глафира Петровна и не терзала своего племянника гимнастикой и прочими воспитательными методами отца, то за то не лучше должна была подѣйствовать вся эта обстановка непрерывнаго пребыванія въ обществѣ трехъ безсердечныхъ, злыхъ старихъ дѣвъ—тетки, наставницы-шведки и старухи Васильевны,—которыя ничѣмъ не могли заинтересовать способнаго и пытливаго мальчика, незнавшаго ни одной ласки, не слышавшаго ни одного теплаго слова участія.

Подъ такими вліяніями росъ и воспитывался нашъ герой. И что же получилось въ результатѣ? Старая дворянская семья, со всѣми своими крѣпостническими традиціями,

должна была, прежде всего, отгородить Лаврецкаго толстой стѣной отъ народа, отъ всего его міросозерцанія, горестей и заботъ. Лаврецкій росъ типичнымъ барчукомъ, въ душѣ котораго не оставляли никакого слѣда ни безконечно тяжелая доля пахаря-раба, ни изувѣрства помѣщиковъ. Только изрѣдка проносились обрывки воспоминаній о страдальцѣ матери, простой дворовой дѣвкѣ, вынесшей на своихъ плечахъ все озлобленіе Петра Андреевича, и тогда — не надолго — просыпалось какое то смутное, но теплое отношеніе къ крѣпостнымъ... Отецъ старался выработать въ сынѣ твердую волю, но вся система воспитанія не могла не оказывать противоположнаго дѣйствія, ибо не внушила серьезнаго взгляда на жизнь, не приучила къ труду и стойкости въ жизненной борьбѣ. Отъ природы нѣсколько тяжелаго на подъемъ, склоннаго къ лѣни мальчика слѣдовало бы ввести въ кругъ такихъ занятій, которыя придали бы ему больше кизнерадостности, сдѣлали бы болѣе подвижнымъ. Лаврецкій обладалъ умомъ яснымъ и здравымъ, и необходимо было дать такому уму подходящую здоровую пищу, но этого не сумѣли сдѣлать его воспитатели. Они, вмѣсто того „чтобы бросить мальчика въ жизненный водоворотъ — говорить Тургъневъ — продержали его въ искусственномъ уединеніи“, вмѣсто того, что бы окружить подходящей товарищеской средой, заставили жить до 19-ти лѣтъ въ обществѣ однѣхъ старыхъ дѣвъ...

Ни отъ одного изъ своихъ воспитателей не слышалъ онъ слова ласки, и ни тетка, ни отецъ не подумали о томъ, чтобы внушить довѣріе и привязать къ себѣ не по лѣтамъ серьезнаго и задумчиваго Оеодю. Такимъ-то образомъ, онъ выросъ нелюдимымъ, душевно одинокимъ и недовѣрчивымъ къ людямъ; онъ ихъ избѣгалъ и очень мало зналъ. И, уходя изъ родительскаго дома, что могъ онъ оставить тамъ добраго и дорогого, о чемъ бы стоило и хотѣлось пожалѣть, что могло бы внести лучъ свѣта въ его дальнѣйшую жизнь, могло бы ее скрасить и согрѣть? Впослѣдствіи, когда Лаврецкій столкнулся лицомъ къ лицу съ суровой правдой жизни, эта черствая система сильно сказала и безпощадно довершила то, что было начато еще въ годы дѣтства и юности, въ неприглядной обстановкѣ родныхъ Лавриковъ... Да, „недобрую шутку — скажемъ мы словами автора романа — сыгралъ англomanъ съ своимъ сыномъ!“

Лаврецкому было 23 года, когда предъ нимъ только что начинала открываться жизнь. Иванъ Петровичъ умеръ, и Федоръ, свободный отъ тяжелой опеки, почувствовалъ начало перелома въ своей жизни. Полный жажды новыхъ впечатлѣній и знанія, онъ отправился въ Москву и поступилъ въ университетъ. Это было въ началѣ 30-хъ годовъ, когда въ университетскихъ кружкахъ шла интенсивная работа мысли, когда наша чуткая, идеалистически настроенная молодежь проводила дни и ночи въ дружескихъ бесѣдахъ и спорахъ „о Богѣ, правдѣ, будущности человѣчества, о поэзіи“, ища разрѣшенія всѣхъ сложныхъ вопросовъ нравственности и самопознанія, когда вырабатывалась цѣлая плеяда въ послѣдствіи выдающихся дѣятелей, и мыслящіе слои интеллигентнаго русскаго общества сбрасывали съ себя тяжелый кошмаръ безвременья, послѣ печальнаго, трагическаго 1825 г.. Достаточно наблюдательный и любознательный Лаврецкій зналъ, что происходило въ этихъ кружкахъ, но нелюдимый, необщительный, недоверчивый къ людямъ, онъ не захотѣлъ принять участія въ этихъ кружкахъ и сблизился только съ однимъ Михалевичемъ, восторженнымъ мечтателемъ и энтузіастомъ.

Такимъ образомъ, цѣлая полоса въ жизни нашей интеллигенціи прошла мимо Лаврецкаго, не захватила его такъ, какъ захватила, на примѣръ, его современника Рудина. Только при посредствѣ Михалевича доходили до него отголоски столь интенсивной жизни, и это, даже въ такомъ недостаточномъ количествѣ, не могло не оставить въ немъ опредѣленнаго слѣда, не могло не будить ума и чувства. Лаврецкій серьезно занимается и, предоставленный самому себѣ, начинаетъ обдумывать всю свою прошлую жизнь и мучительно ищетъ разгадки для будущаго. Проносится въ головѣ весь столь бесполезно пройденный путь, хочется начать новую, еще смутно вырисовывающуюся жизнь, иную, болѣе разумную, менѣе одинокую и менѣе безпросвѣтную. Но тутъ вскорѣ рѣзко и жестоко ворвалась такъ долго скрываемая правдивая и беспощадная дѣйствительность и нанесла Лаврецкому ударъ, отъ котораго онъ не такъ скоро оправился, тѣмъ труднѣе оправился, что вначалѣ нашелъ для себя истинное, какъ ему казалось, и самое дорогое счастье... Лаврецкій полюбилъ.

Въ театрѣ онъ увидѣлъ Михалеви́ча въ одной ложѣ съ очень красивой молодой дѣвушкой. Варвара Павловна Коробы́на—такъ звали эту дѣвушку—произвела на Лавре́цкаго сильное впечатлѣніе. Лавре́цкій сталъ часто бывать у нея, а годъ спустя женился и уѣхалъ въ деревню. Варвара Павловна была пустая свѣтская женщина, малообразованная и малоинтеллигентная, во всѣхъ отношеніяхъ безконечно уступавшая Лавре́цкому. Но могъ ли это увидѣть и понять тотъ, кому еще въ 16 лѣтъ внушали презрѣніе къ „женскому полу“, Лавре́цкій, который „23-хъ лѣтъ отъ роду, съ несокрушимой жаждою любви въ пристыженномъ сердцѣ, еще ни одной женщи́нѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза“. Природа, такъ долго заглушаемая, взяла свое, а вся система воспитанія, не давшая никакого жизненнаго опыта, не могла не заставить горько ошибиться въ выборѣ любимой женщины. Лавре́цкій отдался ей безраздѣльно. Онъ бросилъ университетъ, переѣхалъ съ Варварою Павловною сначала въ деревню, затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ два года, а потомъ поселился за границей. Искренній и благородный Лавре́цкій, какъ высшую драгоценность, лелѣялъ и оберегалъ свою любовь, готовый во имя ея на всякія жертвы, въ ней онъ, казалось, нашелъ свое первое счастье и успокоеніе отъ всѣхъ невзгодъ. Но вскорѣ все оказалось разбитымъ: Лавре́цкій случайно узналъ, что Варвара Павловна вовсе не любитъ его, что она въ связи съ другимъ. Это былъ ударъ, отъ котораго не легко и не скоро оправляются люди, подобные Лавре́цкому. Вначалѣ онъ почти обезумѣлъ, не зналъ, что предпринять, на что рѣшиться, но потомъ необычайнымъ усиліемъ воли заставилъ себя, если не примириться съ фактомъ, то все же отыскать тотъ минимумъ спокойствія, который не позволилъ бы окончательно пасть духомъ и не привелъ бы къ трагической развязкѣ.

Этотъ моментъ въ жизни Лавре́цкаго представляетъ, быть можетъ, наибольшій интересъ для характеристики нашего героя. Онъ послѣ разрыва съ женою сильно загрустилъ, но не палъ духомъ и—въ этомъ проявилась его сила воли—съ большимъ усердіемъ и энергіей принялся за пополненіе своихъ знаній. Съ женою, такъ жестоко обманувшей его, онъ не поступилъ круто и позаботился о томъ, чтобы обезпечить ее доходами отъ своего имѣнія. Ни одного

упрека, ни одной жалобы не услышала отъ него Варвара Павловна.

Все это очень характерно для Лаврецкаго, вырисовывающагося предъ нами въ очень симпатичномъ свѣтѣ. Но забѣжимъ нѣсколько впередъ и вспомнимъ его вторую любовь, любовь къ чуткой и хорошей Лизѣ Калитиной, чтобы яснѣе представить себѣ, какую важную роль сыграла въ жизни нашего героя любовь къ женщинѣ, заполняющая собою почти всѣ помыслы, всѣ почти желанія цѣлаго поколѣнія лучшихъ русскихъ людей 20—40-хъ годовъ.

Оправившись нѣсколько отъ удара, нанесеннаго разрывомъ съ женою, Лаврецкій спустя четыре года возвращается на родину и здѣсь, въ домѣ своихъ дальнихъ родственниковъ, встрѣчается съ молодой симпатичной дѣвушкой—Лизой. Лаврецкій и Лиза полюбили другъ друга, но между ними стояла Варвара Павловна, и о женитьбѣ и не могло быть рѣчи. Лиза ушла въ монастырь, Лаврецкій сначала поселился въ своемъ имѣнii, сталъ жить одиноко, потомъ долго скитался и, наконецъ, снова вернулся на родину, гдѣ и нашелъ примѣненіе своимъ силамъ въ небольшомъ, но все же полезномъ дѣлѣ. Эта вторая разбитая любовь наложила на Лаврецкаго еще болѣе сильную печать печали и грусти и лишила всякой радости въ жизни.

Любовь къ женщинѣ то даетъ Лаврецкому много счастья и радости, то еще больше горести и печали; отъ нея грустныхъ напѣвовъ онъ старается забыть въ книгахъ, въ знакомствѣ съ заграничной жизнью, въ музыкѣ, наконецъ въ томъ, что призналъ дѣломъ своей жизни: взяться за соху и самому начать пахать. Какъ это характерно не для одного Лаврецкаго, но и для Онѣгина, еще болѣе для Печорина, людей далеко не сходныхъ, но все же родственныхъ и близкихъ въ этой жадѣ любви, всегда неудачной, всегда заставляющей этихъ героев уйти съ разбитымъ сердцемъ!

Слѣдующія поколѣнія, въ особенности люди 60-хъ годовъ, охотно готовы были за это посмѣяться надъ Лаврецкими, Онѣгинами, Печоринами. Можетъ ли, говорили они, люди 60-хъ годовъ, человѣкъ мыслящій и глубоко чувствующій строить всю свою стойкость въ жизненной борьбѣ на любви къ женщинѣ, можетъ ли онъ оказаться выброшеннымъ за бортъ только потому, что его постигла неудача въ

личной жизни?! Или, какъ достаточно мѣтко, по своему обыкновенію, насмѣшливо и зло, выразился Базаровъ: „Человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, этотъ человѣкъ—не мужчина, а самецъ“.

Въ этомъ суровомъ отзывѣ—большая доля правды. Но если мы, теперь столь далекіе отъ поколѣнія людей 20—40-хъ годовъ, захотимъ быть безпристрастными судьями, то не бросимъ камня въ этихъ неудачниковъ, въ частности въ Лаврецкаго, котораго мы не осудимъ, ибо его „вина“—не его личная вина, а всѣхъ тѣхъ общественно-историческихъ условій, которыя заставляли лучшихъ русскихъ людей съ какой то беспощадною необходимостью заполнять лучшую половину своей жизни не общепольнымъ трудомъ, а только удовлетвореніемъ своего личнаго счастья. По волѣ жестокой исторіи оторванные отъ своего народа, чуждые ему и далекіе отъ него Лаврецкіе не знали и не умѣли найти примѣненія своимъ силамъ въ практической дѣятельности и естественно тратили весь жаръ своей души на личные переживанія и личное счастье. Вѣдь даже Рудины, больше всего искавшіе не личнаго, а общественнаго благополучія, также ничего не успѣли, также терпѣли пораженія и оказались такими же неудачниками, такими же лишними людьми! Мы поймемъ поэтому Теодора Лаврецкаго, не осудимъ его и не признаемъ его, какъ личность, морально ничтожнымъ только потому, что въ немъ было такъ много этого, столь презираемаго Базаровыми „романтизма“!

Для полноты характеристики Лаврецкаго намъ необходимо обратиться еще къ одной сторонѣ въ его міросозерцаніи. Мы уже говорили, что „романтизмъ“ сблизилъ и породнилъ Лаврецкаго съ его предшественниками: Онѣгинымъ и Печоринымъ. Но между первымъ и послѣднимъ—существенная разница. Онѣгинъ скучалъ и хандрилъ, Печоринъ всю жизнь метался изъ стороны въ сторону, все искалъ успокоенія „въ буряхъ“, но этого успокоенія не находилъ и такъ же, какъ Онѣгинъ, скучалъ и хандрилъ. Грустилъ и Лаврецкій. Но онъ глубже и серьезнѣе вглядывался въ окружающую жизнь, мучительнѣе искалъ ея разгадокъ и больше и сильнѣе скорбѣлъ по поводу ея неурядицъ. Во время

своей университетской жизни, послѣ женитьбы, послѣ разрыва съ Варварой Павловной, и даже послѣ второй неудачной любви Лаврецкій не перестаетъ неустанно работать надъ пополненіемъ своихъ знаній, все время строя планы своей будущей, полезной для народа дѣятельности и вырабатываетъ въ себѣ стройное, вполне обдуманное міросозерцаніе. Во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ онъ всѣ дни проводилъ за чтеніемъ книгъ; въ Парижѣ онъ слушаетъ лекціи въ университетѣ, слѣдитъ за преніями въ палатахъ и живо интересуется всей жизнью этого мірового города. Умный и наблюдательный Лаврецкій изъ всего прочитаннаго и изъ всѣхъ наблюденій надъ русской и европейской жизнью дѣлаетъ опредѣленный выводъ о судьбахъ и задачахъ Россіи....

Лаврецкій—не человѣкъ опредѣленной партіи; онъ не причислялъ себя ни къ одному изъ тогда намѣчавшихся, а впослѣдствіи такъ рѣзко отмежевавшихся двухъ теченій среди нашей интеллигенціи: славянофиловъ и западниковъ. Онъ помнилъ—Лаврецкому было тогда 19 лѣтъ—, какъ отецъ его, объявившій себя англومانомъ, совершилъ такъ быстро крутой переворотъ во всемъ своемъ міровоззрѣніи, сейчасъ же послѣ извѣстнаго 1825 года, и, сбросивъ съ себя тогу просвѣщеннаго вольнодумца-европейца, предсталъ въ весьма непривлекательномъ видѣ типичнаго россійскаго барина-крѣпостника, деспота, трусливо спрятавшагося въ свою скорлупу. Болѣе близкое знакомство съ нашими поверхностными „западниками“, въ сущности не знавшими даже той Европы, предъ которой они преклонялись, и, наконецъ, долгіе годы жизни за границей привели Лаврецкаго къ мысли, что Европа—далеко не во всемъ такъ хороша и привлекательна, что еще больше непривлекательны русскіе европейцы.

Припомнимъ интересный споръ между Лаврецкимъ и Паншинымъ. Паншинъ говорилъ, что „мы только на половину сдѣлались европейцами“, что мы должны „подогнать“ Европу, что „мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ“, къ народному же быту слѣдуетъ только отчасти приноравливаться. Но Лаврецкій сталъ доказывать, что нѣтъ большаго вреда для страны, какъ тѣ стремительныя „передѣлки“, при которыхъ не считаются ни съ вполне самобытнымъ прошлымъ русскаго народа, ни со всей той „народной прав-

дой“, предъ которой необходимо „преклониться“ *), Лаврецькій не прочь „передѣлать“ Россію, но не хочетъ рабскаго подражанія Европѣ. Но это преклоненіе предъ „народной правдой“ въ сущности не могло не идти въ разрѣзъ съ той же Европой, которую нашъ герой не хочетъ вѣдь признать „гнилой“, и послѣдовательность въ этомъ отношеніи неизбѣжно толкала на путь славянофильскаго самовосхваленія: „да мы Европу шапками закидаемъ“! Не забудемъ, что во имя „народной правды“ славянофилы отказывались признать Петровскую Русь и увидѣли въ Великомъ Преобразователѣ только предателя „русской національной идеи“!

Мы прослѣдили важнѣйшіе этапы въ жизни Лаврецькаго, и намъ остается еще подвести нѣкоторые итоги. Жизнь Лаврецькаго сложилась неудачно. Въ годы дѣтства и юности, подъ кровлей родительскаго дома, онъ неустанно чувствовалъ надъ собою желѣзную опеку деспотическихъ воспитателей, сѣумѣвшихъ только уродовать лучшія природныя задатки своего воспитанника. И это воспитаніе наложило на нашего героя свою сильную печать: сдѣлало его нелюдимымъ, недовѣрчивымъ къ другимъ людямъ, не дало никакого знакомства съ жизнью, не приучило къ стойкости и упорству въ жизненной борьбѣ. Но и столь сильная рука отца все-же не сумѣла подавить въ Лаврецькомъ силу воли; ее онъ всегда проявлялъ въ моменты особенно тяжелые для него: во время разрыва съ Варварой Павловной, послѣ ухода Лизы въ монастырь. Въ немъ было много добраго, свѣтлаго, онъ жаждалъ знаній и мучительно искалъ отвѣта на „проклятые вопросы“ россійской дѣйствительности. Но, какъ и всѣ лучшіе люди дореформенной Руси, Лаврецькій не зналъ жизни и не сносилъ ея сильныхъ ударовъ. Въ этомъ весь его трагизмъ, причина разбитой жизни. Лучшіе, молодые свои годы отдалъ онъ поискамъ личнаго счастья, котораго такъ и не нашелъ. И только послѣ долгихъ скитаній, послѣ всѣхъ своихъ личныхъ неудачъ, рѣшилъ онъ отдать свои силы полезной для народа дѣятельности. Но—

*) Въ устахъ человѣка 40-хъ годовъ исторически преждевременно звучить: „преклоненіе предъ народной правдой“, этимъ основнымъ положеніемъ славянофильскаго credo 50—60-хъ годовъ... Тургеневъ написалъ свое „Д. Г.“ въ концѣ 50-хъ годовъ.

какъ это характерно для Лаврецкихъ—какъ много проявилъ онъ и въ этомъ своего „байбачества“ и барской медлительности, какъ мало было въ этой дѣятельности широты и, что, быть можетъ, наиболѣе существенно, не вызвано ли было это „хождение въ народъ“, это „каяніе“ больше всего желаніемъ позабыть, скрасить свою скорбь и грусть о потерянномъ безвозвратно личномъ счастьи?!

„Лаврецкій“—такъ говоритъ Тургеневъ въ своемъ эпilogѣ къ „Дворянскому гнѣзду“—„сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ“. „Могъ“ онъ несравненно больше сдѣлать для тѣхъ же крестьянъ при своемъ богатствѣ, могъ бы не только „обезпечить и упрочить быть“ крѣпостныхъ, но и дать имъ волю, ибо это не было въѣдъ запрещено въ дореформенной Руси 40-хъ годовъ! Но для всего этого необходимо было быть болѣе сильнымъ и крупнымъ человекомъ, съ большимъ самопожертвованіемъ. Лаврецкій же не былъ ни сильнымъ, ни крупнымъ человекомъ. Такіе люди были лишь впереди, и имъ несомнѣнно принадлежало будущее... Лаврецкимъ же оставалось только дѣлать свое небольшое, но безусловно полезное дѣло и, мысленно обращаясь къ молодому подроставшему поколѣнію, пожелать менѣе тернистаго жизненнаго пути, больше удачъ, больше радости и успѣховъ. „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы! Жизнь у васъ впереди!... Вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать дорогу, бороться, падать“...

„Умница и Герой“

(Евгеній Базаровъ).

Появленіе романа Тургенева „Отцы и дѣти“. Отзывы Герцена, „Современника“, Писарева.

Переворотъ въ міросозерцаніи нашей интеллигенціи въ концѣ 50-хъ годовъ: идейный подъемъ, вызванный фактическимъ разрушеніемъ всѣхъ основъ крѣпостного права, проповѣдь „любви“, „знанія“ и „труда“. „Отцы и дѣти“, разладъ между ними, невозможность отыскать путь къ примиренію. „Романтизмъ“ отцовъ и реализмъ дѣтей. Жажда реальныхъ знаній.

„Генеалогія“ Базарова. Духовное родство съ Печоринымъ и Рудинимъ. Ошибочный взглядъ Писарева на это „родство“. Причины разлада между двумя поколѣніями: выходцы изъ различныхъ классовъ; отрицательное отношеніе Базаровыхъ къ „разговорамъ“ своихъ предшественниковъ, отрицаніе культа любви и „таинственности“.

Базаровъ и Одинцова. „Слово“ и „дѣло“ Базарова въ отношеніяхъ къ Одинцовой. Неудачная любовь Базарова. Оцѣнка Писаревымъ этого момента въ жизни Базарова.

Походъ на эстетику. Причины огульнаго отрицанія наслажденій красотами природы и искусства. Вопросъ о „нашущномъ кускѣ хлѣба“.

Базаровъ и „народная правда“. Базаровъ и народъ. Базаровъ и Лаврецкій.

„Кающійся дворянинъ“ и разночинецъ Базаровъ. Отрицаніе Базаровымъ общественно-психологическихъ и личныхъ чертъ Кирсановыхъ.

„Мы хотимъ только разрушать“—девизъ Базарова. „Ненависть“ Базарова. „Любовь“ Базарова. Базаровъ и старики—родители. „Я“ Базарова. Базаровъ и Аркадій Кирсановъ.

„Оправданіе“ Базаровыхъ. Будущее людей типа Базарова.

„Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатичныхъ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобзанія отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ“, такъ писалъ Тургеневъ въ своихъ замѣткахъ объ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Произошло, дѣйствительно, нѣчто до сихъ поръ небывалое сейчасъ же послѣ появленія этого величайшаго произведенія нашего реалистическаго художественнаго творчества. Станнымъ образомъ заклятые противники молодого поколѣнія и часть его друзей единодушно ополчились рѣзко, даже злобно, на автора „О. и д.“, между тѣмъ какъ реакціонные слои общества и другая часть тѣхъ же „дѣтей“ съ необычайнымъ восторгомъ привѣтствовали великаго писателя и его новый романъ.... Герценъ упрекнулъ Тургенева въ желаніи унижить „отцовъ“, представленныхъ „стертыми и пошлыми“. „Крутой Базаровъ—такъ писалъ онъ—увлекъ Тургенева, и вмѣсто того, чтобы посѣть сына, онъ выпоролъ отцовъ...; часть молодого поколѣнія узнала себя въ Базаровѣ, но мы не узнаемъ себя въ Кирсановѣ“. Болѣе рѣшительно высказался „Современникъ“, идейный представитель крайняго радикализма. „Совр.“ увидѣлъ въ Базаровѣ карикатуру на „дѣтей“, клевету на молодое поколѣніе и, въ противоположность Герцену, желаніе унижить „дѣтей“, возвеличивъ „отцовъ“.

Такъ же, какъ и „Современникъ“, образъ Базарова поняли реакціонные элементы, но для нихъ эта „карикатура“ явилась лишь лишнимъ доказательствомъ зловредности „нигилиста“, подкапывающагося подъ всѣ основы общества и государства. Это и были тѣ „люди противнаго лагеря.., враги“, лобзанія которыхъ такъ глубоко огорчили нашего писателя. Но рядомъ съ такими отзывами можно было услышать и другіе, со страницъ „Русскаго слова“—идейнаго представителя тѣхъ же „дѣтей“. Послушаемъ, что писалъ Писаревъ, этотъ „властитель думъ“ молодого поколѣнія 60-хъ годовъ. Не отрицая того, что романъ Тургенева—только зеркало, которое, „отражая предметы, измѣняетъ немного цвѣта“, и что поэтому „идеи и стремленія молодого поколѣнія отразились не такъ, какъ понимаетъ ихъ само молодое поколѣніе“, Писаревъ все же горячо и искренно преклоняется предъ творцомъ „О. и д.“, предъ этимъ „великимъ художникомъ и честнымъ гражданиномъ“, романъ

котораго „явился драгоценнымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ (реалистовъ) идеи“. Тургеневъ такъ вдумался въ этотъ типъ, такъ понялъ его, какъ не пойметъ ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ реалистовъ... Тургеневъ не полюбилъ Базарова, но призналъ его силу, призналъ его перевѣсъ надъ окружающими людьми, и самъ отдалъ ему полную дань уваженія... Тургеневъ оправдалъ Базарова и оцѣнилъ его по достоинству. Базаровъ вышелъ изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ“.

Чѣмъ вызвано было такое неодинаковое отношеніе къ новому роману, что такъ озлобило, заставило вознегодовать однихъ, такъ обрадовало другихъ? Припомнимъ, прежде всего, время появленія „О. и д.“.

Это было въ концѣ 50-хъ годовъ. Русское общество переживало тогда моментъ необычайнаго идейнаго подъема и быстрой смѣны однихъ общественно-историческихъ формъ другими. Фактически, и не только формально, рушились всѣ старыя основы крѣпостного права, и вмѣстѣ съ этимъ грандіознымъ переворотомъ въ общественно-историческихъ условіяхъ жизни страны происходилъ и другой, не менѣе важный переворотъ въ міросозерцаніи лучшихъ русскихъ людей. На арену обновлявшейся жизни выступало молодое поколѣніе, предъ которымъ открывалось теперь широкое поле полезной практической дѣятельности, къ которой такъ не знало и такъ не умѣло—не по своей винѣ—приспособиться старое поколѣніе, люди Онѣгинскаго, Печоринскаго, Рудинскаго типа. Тогда, въ глухое, безпросвѣтное безвременье дореформенной Руси, эти „вѣчные скитальцы“ и „лишніе люди“ не могли, если бы и захотѣли, найти отдохновенія въ своей безысходной тоскѣ, въ своемъ стремленіи почувствовать подъ ногами твердую почву родной земли. Теперь они могли это найти, но уже не умѣли, изломанные физически и нравственно годами скитаній, разбитые „тѣломъ и душой“. И новая жизнь шла мимо нихъ, мало въ кого—только въ единицы—вселяя бодрость и энергію.

Инымъ было молодое поколѣніе, эти новыя, свѣжія силы, счастливыя тѣмъ, что ихъ миновала рука мрачнаго прошлаго. Они, эти „дѣти“, не должны были уже идти по тернистому пути своихъ неудачниковъ „отцовъ“ и не хотѣли знать Печоринскаго безцѣльнаго исканія „бурь“, не дававшихъ „покоя“, не хотѣли Рудинскихъ, такихъ же бесполезныхъ скитаній, ни Онѣгинской хандры, ни успокоенія

Лаврецкихъ въ маломъ, хотя и полезномъ дѣлѣ. Полныя энергіи, увѣренныя въ своей „правдѣ“, они искали и находили примѣненіе своему страстному желанію быть полезными родинѣ и народу и, совершенно отодвигая на задній планъ личное счастье и личное благополучіе, отдавались всецѣло, до самопожертвованія, общеплезному дѣлу. „Всѣ стремленія нашихъ реалистовъ, всѣ ихъ радости и надежды, весь смыслъ и все содержаніе ихъ жизни пока исчерпываются тремя словами: *„любовь, знаніе и трудъ“*, такъ резюмировалъ свой взглядъ на молодое поколѣніе Писаревъ, и онъ былъ, несомнѣнно, правъ.

Молодое поколѣніе рѣзко отличалось отъ стараго не только тѣмъ, что сумѣло найти приложеніе своей „любви, знанію и труду“. Было между этими людьми прошлаго и настоящаго еще одно весьма существенное различіе. „Отцы“— по преимуществу были выходцы изъ дворянскаго сословія, баричи, хотя и проклявшіе всю окружающую ихъ съ дѣтства обстановку, но все же люди, вскормленные тѣмъ же крѣпостнымъ трудомъ и, хотъ нерѣдко и убѣжденные, искренніе демократы, но съ большимъ запасомъ аристократизма. „Дѣти“ пришли изъ другихъ сословій, изъ другого класса. Они были, въ подавляющемъ своемъ числѣ, простые разночинцы, прошедшіе суровую школу труда и борьбы за существованіе, закаленные въ буряхъ и непогодахъ жизни. „Отцы“ вынуждены были проводить все время въ разговорахъ и спорахъ, не безполезныхъ для принимавшихъ въ нихъ участіе, но совершенно безплодныхъ для широкихъ народныхъ массъ, которыхъ вѣдь не могли ни просвѣтить, ни избавить отъ тяжелаго гнета самобичеванія Рудиныхъ и всѣ ихъ красивыя слова—и только слова!—объ „истинѣ“, „правдѣ“ и „красотѣ“. „Дѣти“ не хотѣли словъ, но только дѣла; для нихъ, какъ и для Базарова, вся окружающая жизнь, какъ и природа—„не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ“. И потому къ оторваннымъ отъ родной почвы и практическаго дѣла „отцамъ“ былъ такъ близокъ „романтизмъ“ и всѣ тѣ философскія системы, которыя уносили своихъ поклонниковъ въ далекую высь, въ заоблачныя высоты метафизики; „дѣти“ же, выросшія изъ чернозема родной земли, близкія къ народу, не отгороженные отъ него глухой стѣной, искали во всемъ, не исключая и науки, только одного практическаго, реальнаго. Потому то они такъ набро-

сились на реальныя науки, на естествознаніе, политическую экономію и соціологію, ища въ нихъ отвѣта на волнующіе вопросы жизни, и по своему находили эти отвѣты.

Такимъ то образомъ, различные по своему темпераменту, по всему складу своего мышленія, по всему своему прошлому и настоящему,—могли ли такіе „отцы“ и такіа „дѣти“ понять другъ друга и искать путей для примиренія, могли ли они ужиться рядомъ, не враждуя, не озлобляясь, могли ли они не почувствовать отчужденія, не разойтись? Въ этой враждѣ и взаимномъ непониманіи двухъ поколѣній лучшихъ русскихъ людей было много трагизма, много печальнаго и обиднаго, въ особенности для отцовъ, которые не хотѣли признать себя „стертыми“ и „отставными“ и уйти съ полябитвы, уйти безвозвратно въ область прошлаго, исторіи. Но новая жизнь требовала новыхъ людей и безжалостно мстила тѣмъ, кто не умѣлъ ея понять и не могъ къ ней приспособиться!...

Тургеневъ, благодаря своему геніальному художественному чутью, понялъ это, и странно было винить писателя въ томъ, о чемъ такъ неустанно твердила сама дѣйствительность. Но этого не захотѣли, потому что не могли, признать Кирсановы, даже лучшіе изъ нихъ, и такъ ополчились на великаго писателя и его великое произведение.... „Базаровъ вышелъ изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ“— и за это привѣтствовали Тургенева молодые реалисты и ихъ идейный вождь, Писаревъ. Если же другая часть „дѣтей“ не сумѣла понять, что Базаровъ не карриатура, а „умница и герой“, то не вина автора въ „томъ, вина тѣхъ, кто за слишкомъ рѣзкими чертами этого „демократа до ногтей“, не увидѣлъ вѣрнаго и подлиннаго образа новаго человѣка, пришедшаго на смѣну „старенькимъ романтикамъ“ 40-хъ годовъ...

Для пониманія Базарова намъ необходимо, прежде всего, выяснить его „генеалогію“, мѣсто, занимаемое имъ въ цѣломъ рядѣ предшественниковъ отъ Онѣгина до Рудина—Бельтова. Писаревъ, какъ извѣстно, попытался связать Базарова болѣе или менѣе тѣснымъ духовнымъ родствомъ съ Печоринымъ, а съ Рудинимъ—отчасти. „У Печориныхъ есть воля безъ знанья, у Рудиныхъ знанье безъ воли, у Базаровыхъ есть знанье и воля. Мысль и знаніе сливаются въ одно твердое цѣлое“, такъ писалъ онъ въ своемъ „Базаровѣ“.

а въ „Реалистахъ“, обрисовывая внутренній обликъ своего героя, еще рѣзче подчеркнулъ это духовнос родство: „И странно и мучительно волнуется въ широкой груди Базарова ненависть и любовь, безпощадный, стальной и холодный, судорожно улыбающійся, демоническій скептитизмъ и горячее, тоскливое, порою радостное и ликующее *романтическое стремленіе вдаль*, вдаль, но не прочь отъ земли“.... Самъ Тургеневъ, вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ нападокъ на Базарова, такъ говорилъ о немъ: „Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная и все таки обреченная на гибель, потому что она стоитъ въ преддверьи будущаго, мнѣ мечтался *како-то странный pendant съ Пугачевымъ*“. Но ни творецъ „О. и Д.“, ни „властитель думъ“ молодого поколѣнія не правы: Базаровъ вовсе не „*pendant съ Пугачевымъ*“, и ему меньше всего свойственно „порою радостное и ликующее *романтическое* стремленіе въ даль“....

Между Базаровымъ и всей серіей типовъ 20—40-хъ годовъ нѣтъ никакого духовнаго родства. И та непріязнь, почти ненависть, которая существовала у Базарова къ „отцамъ“, къ Кирсановымъ, и ко всему ихъ міру, явилась не въ результатъ только того, что у „отцовъ“ было либо знаніе безъ воли, либо воля безъ знанія, а у Базарова тѣсно и гармонически сливалось то и другое въ одно сильное и крѣпкое. Причины разлада лежали глубже и въ совершенно другой плоскости: въ отсутствіи единства классовой психологіи, въ отсутствіи одинаковыхъ привязанностей. Лучшіе люди до-базаровскаго типа, хотя и отличались, нерѣдко очень значительно, другъ отъ друга и умомъ и личными переживаніями, хотя неодинаково реагировали на свои неудачи, на свои вынужденныя скитанія, но всѣхъ ихъ связало и породнило одно: они выходцы изъ одной и той же крѣпостной среды, люди въ большинствѣ случаевъ обезпеченные, не знавшіе суровой борьбы за существованіе и не способные къ упорному и настойчивому завоеванію себѣ „права на жизнь“. Иную школу жизни прошелъ Базаровъ. Только своими собственными усиліями пробивалъ онъ себѣ путь; онъ вынесъ на своихъ крѣпкихъ плечахъ не мало лишений, голода, многогодовъ упорнаго труда. Его предки не могли гордиться ни знатностью, ни привиллегіями, ибо были „простые мужики“, сами пахавшіе землю, тѣснимые, не притѣснители, какъ отцы

и дѣды Онѣгиныхъ—Рудиныхъ. И всю эту старую, дореформенную, крѣпостническую Русь онъ ненавидѣлъ какъ своего злѣйшаго врага, и камня на камень не хотѣлъ оставить отъ всего этого прѣшлаго, даже того, что было въ немъ хорошаго, добраго.... Такимъ то образомъ, Базаровъ не наслѣдникъ людей 20—40-хъ годовъ, онъ, напротивъ, ихъ отрицаніе, и нѣтъ ни одной области, въ которой мы нашли бы точки соприкосновенія между этимъ „нигилистомъ“, высмѣивающимъ „принсіпы“ Павла Петровича, и обоими Кирсановыми....

„Отцы“, загнанные по волѣ жестокой исторіи въ свои товарищескіе кружки, много говорили, много спорили о вопросахъ философіи и самопознанія. И въ сущности, это заполняло всю ихъ жизнь, на эти разговоры ушли ихъ лучшіе, молодые годы. Но Базаровъ совершенно отказывается отъ этой „болтовни“, не хочетъ ея признать и видитъ въ ней положительный вредъ, ибо все это были однѣ „отвлеченности“. Какъ человѣкъ дѣла, онъ не можетъ простить своимъ предшественникамъ ихъ красивыхъ словъ о благѣ народа, о нашихъ неурядицахъ, ихъ сочувствія мужику, ибо изъ всѣхъ „этихъ“ пожеланій, искреннихъ и благородныхъ, ничего не могло выйти, пока они не претворились въ нѣчто реальное. Но въ „реальное“ они не претворились, и такъ и остались только въ головахъ этихъ „романтиковъ“. Базаровъ такъ и говорить Павлу Петровичу, что русскому народу всѣ эти обличенія и благородныя слова „и даромъ не нужны“, потому что „мы занимаемся вздохами; толкуемъ о какомъ то искусствѣ, безсознательномъ творествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ-знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ“. И Базаровъ, дѣйствительно, очень скупъ на всякаго рода обличенія, да и вообще на разговоры. Онъ неохотно возражаетъ даже Павлу Петровичу, съ которымъ, больше чѣмъ съ другими, готовъ поспорить. Базаровъ всегда лакониченъ, кратокъ и настолько занятъ волнующими его вопросами практическаго, непосредственнаго дѣла, что только въ очень рѣдкіе, необычайные, сказали-бы мы, моменты проявляетъ нѣкоторую многорѣчивость, какъ, напр., при встрѣчахъ съ Одинцовой. „Не такъ ли вы болтаете, какъ и всѣ?“—пробуетъ его уязвить Павелъ Петровичъ. „Чѣмъ другимъ, а этимъ грѣхомъ не грѣшны“, возражаетъ Базаровъ, и Павелъ Петровичъ умолкаетъ,

ибо и онъ этого „грѣха“ не замѣтилъ въ своемъ противникѣ.

Столь же рѣзко отрицательно относится Базаровъ и къ другому моменту въ жизни „отцовъ“, къ ихъ культу любви. Въ отношенія между мужчиной и женщиной онъ, какъ послѣдовательный матеріалистъ, не вкладываетъ ничего таинственнаго, невыясненнаго, какъ человѣкъ идеи—не хочетъ признать, чтобы только неудачная любовь могла разбить жизнь, изуродовать ее и сдѣлать бесполезною. „Свѣтъ клиномъ не сошелся“, и если одна женщина не захотѣла меня полюбить или же разлюбила, я найду другую, а не найду, тогда и такъ буду жить, ибо жизнь слишкомъ разнообразна, слишкомъ богата впечатлѣніями, а окружающая родная обстановка такъ неприглядна, такъ нуждается въ каждомъ изъ насъ, что преступно и не разумно принести въ жертву большого цѣлаго мои личные неудачи—такъ можно было резюмировать базаровское отрицаніе „гнили, чепухи, романтизма“—культъ любви Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Лаврецикихъ. „А я все таки скажу—такъ заявляетъ Базаровъ Аркадію въ отвѣтъ на его защиту дяди,—что человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, этакій человѣкъ не мужчина, а самецъ“. А когда Аркадій все еще пытается оправдать Павла Петровича, Базаровъ даетъ ему дружескій совѣтъ „простудировать анатомію глаза“, которая, по мнѣнію нашего героя, ясно и категорически опровергаетъ всѣ эти таинственные отношенія между мужчиной и женщиной.

Базаровъ не хочетъ этой „таинственности“ и, сводя отношенія между мужчиною и женщиною къ однимъ фізіологическимъ потребностямъ, не прочь, напимѣръ, поухаживать и за Феничкой, и не видитъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Но неожиданно для нашего героя эта самая „таинственность“ сыграла съ нимъ свою „плохую шутку“. Базаровъ влюбился въ Одинцову, и чувство къ этой женщинѣ не такъ легко было свести къ категорическому принципу: бери, наслаждайся и удовлетворяй свою потребность.

Базаровъ встрѣчается съ Одинцовой на балу. Очевидно, съ перваго же раза Одинцова произвела на него впечатлѣніе и, какъ то незамѣтно для самого себя, Базаровъ

выдѣлилъ эту женщину надъ всѣми остальными, съ которыми ему пришлось встрѣчаться. Но не желая самому себѣ въ этомъ признаться, Базаровъ въ разговорѣ со своимъ пріятелемъ Аркадіемъ говоритъ объ Одинцовой, какъ и о всякой другой женщинѣ, пытается отдѣлаться шутливыми замѣчаніями и вообще хочетъ убѣдить себя, что въ сущности ничего не произошло, что на него произвело впечатлѣніе только это „богатое тѣло“ и „плечи“, какихъ онъ „не видывалъ давно“. „Кто бы она ни была—говоритъ онъ Аркадію—просто ли губернская львица, или „эманципé“ въ родѣ Кукшиной,—только у нея такія плечи, какихъ я не видывалъ давно!“. Но вскорѣ, послѣ еще одной—двухъ встрѣчъ, Базаровъ понялъ, что эта „баба съ мозгомъ“ затронула въ его душѣ какія то новыя струны, что онъ ее любитъ глубоко и серьезно, какъ любили столь презираемые имъ „старые романтики“. Базаровъ—замѣчаетъ авторъ—сильно измѣнился за это время, при встрѣчахъ съ Одинцовой онъ, всегда такой хладнокровный, сдержанный, умѣющій владѣть собой, иногда терялся, замѣтно волновался, разъ даже смутился и покраснѣлъ, а въ другой разъ, прежде чѣмъ явиться къ Одинцовой, одѣлся во все новое. Базаровъ, какъ мы знаемъ, признался Одинцовой въ своемъ чувствѣ, но эта холодная, спокойная, строго разсчитывающая каждый свой шагъ, женщина, неспособная на увлеченіе, не отвѣтила нашему герою взаимностью. Базаровъ ухалъ отъ Одинцовой, чтобы больше къ ней не возвращаться, и только на краю могилы онъ еще разъ пожелалъ увидѣть ту, которую такъ любилъ...

Для характеристики Базарова не столь важно это очевидное противорѣчіе, въ которое впалъ онъ, такъ зло смѣявшійся надъ „таинственностью“ въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной. Несомнѣнно важнѣе другой моментъ. Базарова сильно терзало, что ему пришлось пережить много тяжелыхъ минутъ борьбы съ самимъ собой. Его терзало и то, что онъ далъ своему чувству такъ разростись, между тѣмъ какъ уже послѣ перваго своего свиданія съ Одинцовой рѣшилъ, что эта женщина побоится отдаться ему, не пойдетъ за нимъ. Его терзала, такимъ образомъ, потеря самообладанія, неумѣніе сдержать свой порывъ. Но еще больше его терзало то, что ему еще не скоро удастся сбросить съ своихъ плечъ эту, такъ неожиданно ворвавшуюся въ его

жизнь, страсть серьезную и глубокую. „Каждый человекъ на ниточкѣ висить, ежеминутно бездна подъ нимъ развернута можетъ, а онъ еще самъ придумываетъ себѣ всякія непріятности, портитъ свою жизнь“, такъ говорилъ онъ Аркадію въ одну изъ грустныхъ минутъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что пережитаго. „Отцы“ могли бы только порадоваться,—такъ рѣшили тѣ, кто увидѣлъ въ Базаровѣ клевету, карикатуру на молодое поколѣніе. Да, но не забудемъ, какъ вышелъ изъ этого „испытанія“ нашъ герой! Вѣдь Базаровъ не сломился, какъ сломился, на примѣръ. Лаврецкій, Базаровъ не разбилъ своей жизни изъ за этой неудачной любви,—и въ этомъ все существенное различіе между нимъ и „лишними людьми“, его предшественниками. Большимъ усиліемъ воли Базаровъ овладѣлъ собою, взялъ себя снова въ руки и, скажемъ мы словами Писарева, „вышелъ изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ“. Базаровъ—человѣкъ искренній—въ этомъ ему не откажутъ даже и его противники,—а потому послушаемъ, что говорилъ онъ Аркадію: „По моему лучше бить камни на мостовой, чѣмъ позвонить женщинамъ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца. Это все... вздоръ... Мужчинѣ некогда заниматься такими пустяками... Я только этимъ и горжусь. Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не сломитъ. Аминь! Кончено! Слова объ этомъ больше отъ меня не услышишь“.

Отказъ отъ „таинственности“—въ сущности вся основа базаровскаго міросозерцанія. „Я придерживаюсь отрицательнаго направленія—говоритъ Базаровъ—въ силу ощущеній. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и basta! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія—это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнуть“. Такимъ образомъ, разумно и дѣйствительно только то, что мы можемъ ощущать, видѣть и т. д., что мы можемъ освидѣтельствовать и провѣрить однимъ изъ пяти чувствъ. А предъ такой „провѣркой“ равноцѣнны всѣ красоты природы, музыка, поэзія, Рафаэль, Пушкинъ и... хорошо приготовленный обѣдъ. Больше того, безъ обѣда человекъ не проживетъ, но безъ музыки, безъ поэзіи, безъ живописи проживетъ.... „И такъ-таки у васъ ни капли художественнаго смысла нѣтъ?!... Какъ же вы обходитесь безъ него?“, спрашиваетъ Одинцова Базарова.—„А на что онъ нуженъ, позвольте васъ спросить?“—въ свою

очередь, спрашиваетъ Базаровъ Одинцову. Въ спорахъ съ Павломъ Петровичемъ Базаровъ договаривается до того, что „Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ“, что поэзія Пушкина— „ерунда“ и что „порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта“. Такъ огульно отрицаетъ Базаровъ „эстетику“, всякое наслажденіе поэзіей, красотами природы, такъ категорически отказывается онъ признать потребность въ высшихъ, чисто эстетическихъ наслажденіяхъ. Едва ли кто либо согласится съ этимъ „анти-эстетизмомъ“ нашего героя (даже Писаревъ не похвалилъ его за это!), и мы не станемъ доказывать всю ошибочность этихъ базаровскихъ сужденій, не выдерживающихъ и самой легкой критики. Намъ важнѣе выяснить слѣдующее: чѣмъ вызванъ былъ этотъ „походъ“ на эстетику, чѣмъ вызвано было это отрицаніе, имѣвшее глубокіе корни въ психологіи нашего героя.

Обратимся къ предшественникамъ Базарова; не найдемъ ли мы въ этомъ прошломъ объясненія базаровскаго отношенія къ эстетикѣ? Печорины, въ особенности Рудины, очень тонко понимали и чувствовали красоты природы и въ и въ музыкѣ и поэзіи находили величайшее для себя наслажденіе. Но люди 30—40-хъ годовъ слишкомъ много времени удѣляли удовлетворенію этихъ потребностей, они ими заполняли большую половину своей жизни, между тѣмъ какъ вокругъ все было слишкомъ прозаично, слишкомъ много тьмы, невѣжества, горя, самой безысходной нужды. И на „томъ мрачномъ фонѣ крѣпостной Россіи не могли не казаться излишней, часто не позволительной роскошью эстетическія наслажденія, отодвигавшія на задній планъ горькую дѣйствительность. Базаровы были правы, поскольку они ополчались на такую антиобщественную роль эстетики. Базаровы говорили „отцамъ“: вы наслаждаетесь музыкой, поэзіей, Рафаэлемъ, когда „дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ“ для миллионъ рабовъ, когда „грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакъ“; вы наслаждаетесь красотами лѣса, неба, наслаждаетесь картиной захода солнца, но мы совершенно не умѣемъ использовать богатствъ русской природы, не имѣемъ понятія объ улучшенномъ одобреніи, и нашъ мужикъ, какъ доисторическій Микула Селяниновичъ,

обрабатываетъ свою тощую десятину первобытнымъ плугомъ, погоняя лошаденку, голодную, какъ и самъ ея хозяинъ.... Въ этомъ звучалъ гражданскій протестъ, въ этомъ чувствовалась оздоравливающая атмосфера, и въ этомъ отношеніи Базаровъ были правы, правы, поскольку они не хотѣли обращать природу въ храмъ, поскольку она была для нихъ, какъ и вся окружающая жизнь, мастерской, а человѣкъ въ ней работникъ!

Послѣдовательный въ своемъ отрицаніи, Базаровъ отказывается признать и вѣками установившіяся формы народной семейной и общественной жизни, не хочетъ ни въ чемъ преклониться предъ той „народной правдой“, о которой говорилъ Лаврецкій. Базаровъ самъ вышелъ изъ народа, онъ хорошо зналъ его, зналъ его бытъ и нравы, предразсудки и суевѣрія, ему были знакомы безысходная бѣдность и непосильный трудъ русскаго мужика, больше, несравненно больше, чѣмъ Лаврецкому. И все-же баринъ Лаврецкій рѣшилъ „смириться“ предъ „народной правдой“, а Базаровъ, дѣдъ котораго самъ пахалъ землю, рѣзко отрицаетъ эту самую „правду“.... Павелъ Петровичъ указываетъ Базарову на общину, но послѣдній видитъ въ ней только „круговую поруку, трезвость и тому подобныя штучки“. „Семья, наконецъ, семья, какъ она существуетъ у нашихъ крестьянъ!“, закричалъ Павелъ Петровичъ. „Да—возражаетъ Базаровъ—вы, чай, слышали о снохачахъ?“ Постараемся понять Базарова. Одни эти „снохачи“ далеко еще не настолько характерная особенность семейнаго быта крестьянъ, чтобы стоило рѣшительно ополчиться на весь семейный бытъ народа. Но Базаровъ зналъ, какъ силенъ среди нашихъ крестьянъ семейный деспотизмъ, какъ неограничена власть мужа надъ женой, какъ много и другихъ отрицательныхъ сторонъ въ большой семьѣ крестьянина. Это и не позволяло Базарову признать „правдой“ семейныя начала, но это далеко еще не было равносильно тому, чтобы понять Базарова, какъ понималъ его Кирсановъ, будто онъ приглашаетъ къ разрушенію семьи. Какъ человѣкъ дѣла, реалистъ Базаровъ не могъ этого предлагать. Онъ только не хотѣлъ не продуманнаго, основаннаго на одномъ чувствѣ, сочувствія ко всѣмъ основамъ народнаго быта, сочувствія въ большинствѣ случаевъ аристократическаго, какъ у Павла Петровича, какъ и у всѣхъ лучшихъ людей 20—40-хъ годовъ. Вѣдь не мѣшало

же Лаврецкому его преклоненіе предъ „народной правдой“ и то, что онъ самъ взялся за соху, жить на счетъ того же народа. Если онъ и облегчилъ участь своихъ крѣпостныхъ, то все же они остались рабами, все-же продолжали работать на своего барина, хотя и мягкаго и гуманнаго, но барина, владѣвшаго крѣпостными!

Вполнѣ правы были поэтому люди Базаровскаго типа, когда позволяли себѣ рѣзко и злобно смѣяться надъ тѣмъ, кто говорилъ о благѣ народа и объ уваженіи къ его быту, но этого народа не зналъ, не понималъ, не видѣлъ въ немъ равнаго себѣ. И развѣ это не характерно, что на Базарова, который говорилъ, что „русскій мужикъ и Бога слопаётъ“, что онъ „радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабацѣ“, мужики смотрѣли какъ на „своего брата“, какъ на равнаго себѣ. „Мой дѣдъ землю пахалъ—говорилъ Базаровъ Павлу Петровичу.—Спросите любого изъ вашихъ мужиковъ, въ комъ изъ насъ—въ васъ или во мнѣ—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить то съ нимъ не умѣете“.... И Базаровъ, несомнѣнно, былъ правъ! Кто искренно любилъ свой народъ, кто искренно хотѣлъ ему помочь, тому не было надобности закрывать глаза на его недостатки, тому не нужно было преклоняться предъ „народной правдой“, если это „преклоненіе“ было только желаніемъ загладить вѣковыя обиды своихъ отцовъ. „Кающійся дворянинъ“ Лаврецкій, аристократъ Кирсановъ пусть закрываютъ глаза на недостатки крестьянской жизни, Базарову нѣтъ въ этомъ надобности, да ему и не въ чемъ „каяться“!...

Въ отрицаніи Базарова мы можемъ замѣтить одну, очень характерную для нашего героя черту. Базаровъ не хочетъ считаться съ тѣмъ, что „отцы“ не столько сами повинны въ своемъ неумѣнн жить, сколько повинны ненормальныя условія воспитанія и вся общественно-историческая обстановка крѣпостной Россіи, заставлявшая лучшихъ людей „скитаться тѣломъ и душой“. Признать это Базаровъ не могъ. Строгій къ самому себѣ, только своими собственными усиліями пробивавшій себѣ дорогу въ жизненной борьбѣ, Базаровъ не знаетъ никакого снисхожденія, не хочетъ признать вліянія и дѣйствія силъ исторіи, болѣе могучихъ, чѣмъ люди, творящіе эту самую исторію.... „Воспитаніе?—говорить онъ Аркадію, желающему представить Павла Петро-

вича какъ жертву уродливой системы воспитанія.—Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ, ну, хотя какъ я, напримѣръ... А что касается до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависить отъ меня. Нѣтъ, братъ, все это распушенность, пустота!”

Эти слова характеризуютъ Базарова еще и съ другой стороны. Базаровъ отрицаетъ въ Кирсановыхъ не столько ихъ идеи, понятія, общее направленіе ихъ мысли,—хотя и это онъ также отрицаетъ,—сколько ихъ общественно-психологическія и личныя черты. Онъ, какъ и Писаревъ, скажетъ: и музыка хороша, и стихи хороши, и народу сочувствовать слѣдуетъ, и Гегель, Шеллингъ, Гете, достойны изученія, но скверно, господа „старенькіе романтики“, господа идеалисты, что вы за всѣми этими красотами жизни забывали о „терпкой жизни“, что въ васъ мирно уживались наслажденіе Шубертомъ, Бетховеномъ и Рафаэлемъ съ невѣжествомъ крестьянъ, съ ихъ рабствомъ; вы это рабство проклинали, но все же кормились крѣпостнымъ трудомъ, если и меньше, чѣмъ дѣды и прадѣды, то все же кормились....

Такимъ то образомъ, Базаровъ безпощаденъ къ „отцамъ“, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, кто рѣшилъ „не сдаваться“ и не хотѣлъ „спасовать“ предъ надвигавшимся „нашествіемъ разночинца“. Николая Петровича онъ еще готовъ щадить, какъ человѣка слабого, не „воинственнаго“, но къ Павлу Петровичу онъ безпощаденъ; онъ готовъ его на каждомъ шагу высмѣять, открыто высказываетъ свою антипатію, распространяющуюся даже на всѣ мелочи жизни этого „англомана“ и аристократа. Уже въ первый день пріѣзда въ имѣніе Кирсановыхъ Базаровъ говоритъ Аркадію: „Чудаковатъ у тебя дядя... щегольство какое въ деревнѣ, подумаешь! Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!“...

Между Базаровымъ и Аркадіемъ происходитъ такой разговоръ,

—„Настоящій человѣкъ—говоритъ Базаровъ—тотъ, о которомъ думать нечего, а котораго надобно слушаться или ненавидѣть.

—„Странно, я никого ненавижу—промолвилъ Аркадій.

—„А я такъ многихъ. Ты нѣжная душа, размазня, гдѣ тебѣ ненавидѣть!... Ты робѣешь, мало на себя надѣешься.“

Да, Базаровъ умѣлъ ненавидѣть! И эта ненависть была жгучая, сильная, злобная и вполне гармонировала

со всѣмъ его міросозерцаніемъ и со всей его дѣятельностью, ибо Базаровъ пришелъ, прежде всего, „для разрушенія“. „Мы хотимъ только разрушать“, говоритъ онъ.— „А кто же будетъ строить?“—спрашиваетъ его Павелъ Петровичъ.— „Это уже не наше дѣло“, возражаетъ Базаровъ.

Что нужно было разрушать, точнѣе, что хотѣлъ разрушить Базаровъ? Все, что, по его мнѣнію, мѣшало жить разумно, такъ, чтобы малѣйшее усиліе, всякій трудъ человека не пропадалъ напрасно, бесполезно. Все, что носило печать прошлаго, предыдущія поколѣнія не хотѣли этого признать, не могли, по убѣжденію Базарова, понять, что жизнь не праздникъ, а сѣрыя будни, что нельзя думать о наслажденіяхъ, когда еще не удовлетворены наиболѣе насущныя потребности. И потому все это прошлое необходимо разрушить. Но „разрушеніе“ всегда сопровождается борьбой, и разрушители неминуемо встрѣтятъ сопротивленіе и отпоръ со стороны тѣхъ, кого хотятъ уничтожить. А въ такихъ случаяхъ ненависть—одинъ изъ самыхъ необходимыхъ, неотъемлемыхъ психологическихъ разрушителей. Эта черта начнетъ преобладать надъ всѣми остальными, и носители такой „ненависти“ всегда окажутся людьми разсудка, нелюбящими никакихъ „сентиментальностей“, стыдящіеся ихъ, какъ проявленія слабости, какъ признака „размазни“.

Но все это еще далеко не равносильно тому, чтобы сказать, что такіе люди вовсе не могутъ любить, что эти струны совершенно не звучать въ ихъ душѣ. Такъ Базаровъ не любитъ проявлять своихъ чувствъ, а въ тѣ рѣдкіе для него моменты, когда это случайно выльется наружу, герой нашъ очень недоволенъ собою и сейчасъ же упрекнетъ себя въ излишнемъ мягкосердечіи, въ слабости. Но въ то же время Базаровъ умѣетъ любить, и не только своихъ близкихъ, родныхъ людей, но и людей вообще. Возьмемъ его отношеніе къ старикамъ родителямъ; здѣсь, пожалуй, яснѣе всего проявятся эти черты Базаровскаго „я“. Родители не могутъ наглядѣться на своего Евгенія. Но Базаровъ необычайно скупъ на проявленіе своихъ чувствъ, хотя и любитъ своихъ „стариковъ“. Только разъ онъ признался Аркадію, что любитъ своихъ родителей, а въ другой разъ какъ то вскользь замѣтилъ ему: „поздравь меня: сегодня

22-го Іюля, день моего ангела. Сегодня меня дома ждутъ— прибавилъ онъ, понизивъ голосъ... Ну подождутъ, что за важность!" И только тогда, когда онъ умиралъ, когда уже зналъ, что его „пѣсенка спѣта“, Базаровъ проявилъ необыкновенно трогательную заботливость къ своимъ родителямъ. Не потому, что въ этотъ моментъ онъ вдругъ измѣнился, нѣтъ, теперь онъ рѣшилъ позволить себѣ „слабость“, сдерживаемую имъ до сихъ поръ и безусловно сильную въ немъ, не меньше, чѣмъ, на примѣръ, у Аркадія... Чтобы утѣшить отца онъ, отрицатель и атеистъ, предлагаетъ безутѣшному старику молиться, думая его этимъ успокоить, а въ угоду матери принимаетъ „липовый цвѣтъ“, хотя, какъ медикъ, зналъ и не сомнѣвался въ томъ, что „все кончено“, что смерть уже стережетъ. Наконецъ, его послѣдняя просьба къ Одинцовой: позаботьтесь о матери!...

Базаровъ, несомнѣнно, крупная, сильная, выдающаяся личность, человѣкъ съ огромнымъ аналитическимъ умомъ, съ желѣзной настойчивостью, съ непреклонной волей. Базаровъ—человѣкъ искренній. Всѣми этими своими качествами онъ необычайно возвышается надъ всѣми окружающими его, и мы не отыщемъ среди другихъ героев романа ни одного лица, кто бы оказался Базарову по плечу, кто бы не „спасовалъ“ предъ нимъ. И Базаровъ вполне сознаетъ это свое моральное превосходство. Но въ немъ такъ много ума и дѣловитости, онъ настолько крѣпокъ и могучъ, что не почувствуетъ никакого самодовольства и не станетъ любоваться собою, какъ любитъся нерѣдко его пріятель Аркадій Кирсановъ.

Базаровъ, наконецъ, человѣкъ, необычайно послѣдовательный. Но изъ романа Тургенева мы не можемъ узнать, какъ проявилъ эту свою послѣдовательность его герой *на дѣлѣ*: вѣдь Базаровъ умираетъ, не успѣвъ отъ словъ перейти къ дѣлу! Авторъ „О. и д.“ въ этомъ не повиненъ, ибо Базаровъ—„фигура, стоящая въ преддверіи будущаго“, ибо Евгений Базаровъ только первый вѣстникъ, только первая ласточка грядущей весны. Тургеневъ не могъ поэтому показать Базарева послѣдовательнымъ въ дѣлѣ. Но Базаровъ былъ послѣдователенъ, и Тургеневъ это подтвердилъ намъ смертью своего героя. Базаровъ умираетъ... Онъ знаетъ, что

нѣтъ спасенія. Атеистъ и строгій матеріалистъ Базаровъ не вѣритъ въ загробную жизнь, знаетъ, что изъ него только „лопухъ будетъ расти“. Умирать не хочется, хочется жить, хочется бороться, мыслить и любить, ибо позади такъ мало, а впереди, въ будущемъ, такъ много надеждъ. Но предъ этой разверзающейся холодной могилой Базаровъ „не спасовалъ“ предъ жизнью: его не покинули ни сила воли, ни умъ, нѣе владѣть собою, и онъ умираетъ тѣмъ же „умницей“, какъ и при жизни. Да только своей смертью показалъ, что въ немъ было и много героическаго. „Умница и герой“— сказалъ про него Тургеневъ. И великій художникъ правъ!...

Тонкое художественное чутье подсказало Тургеневу, что моральная оцѣнка героя его романа не подлежитъ ему, автору „О. и д.“, но читающей Россіи. Мы знаемъ уже, какъ отнеслась къ Базарову эта читающая Россія: одни привѣтствовали приходъ въ русскую жизнь новыхъ людей базаровскаго типа, другіе вознегодовали. Кто былъ правъ? Несомнѣнно, первые! Если въ Базаровѣ и было немало такого, съ чѣмъ нельзя было согласиться, если его „походъ на эстетику“, если его слишкомъ упрощенная теорія о томъ, что „мы дѣйствуемъ въ силу ощущеній“ и т. п. уже вскорѣ оказались несостоятельными, если, наконецъ, этотъ послѣдовательный, точно вылитый изъ стали человѣкъ, и не чуждъ былъ противорѣчій, то все же за всѣми этими минутами нельзя было не увидѣть много безусловно свѣтлыхъ, добрыхъ, безусловно прогрессивныхъ началъ. Ибо Базаровы—протестъ не только противъ общественно-историческихъ ненормальностей дореформенной, крѣпостной Россіи, но и здоровая реакція на все то, что носило на себѣ печать российской „обломовщины“ среди образованнаго, интеллигентнаго русскаго общества.

Базаровы не хотѣли словъ, но одного только дѣла. Базаровы не хотѣли одной только „музыки краснорѣчія“ но борьбы со всѣми предрасудками, со всѣмъ невѣжествомъ, со всѣмъ зломъ окружающей ихъ жизни. Имъ, перефразируя слова Базарова Аркадію, было скучно любоваться собою, бранить себя, они хотѣли дерзости, злости и ненависти, презирали одно только благородное кипѣніе или благородное негодованіе, они хотѣли драться и ломать другихъ...

Ихъ ждала впереди „горькая, терпкая, бобыльная жизнь, годы труда и суровая борьба за существованіе. Но они не страшились этого, напротивъ, съ радостью шли на встрѣчу ударамъ своихъ враговъ и вѣрили въ то, что побѣдителями останутся они, предвозвѣстники новаго, побѣжденными—враги народа, ихъ собственные враги. Новая жизнь требовала только такихъ людей, „не мякенькихъ, либеральныхъ баричей“, и Базаровымъ принадлежало недалекое будущее!..

Павлов, В. И.

И. С. Тургеневъ

W/83
581

Изложеніе романовъ
И. С. ТУРГЕНЕВА
часть II.

Н. С. ТУРЛЕНОВА
1867 г.

Типо-литографія Книгоиздательства М. С. Козмана.
Одесса, Гимназическая, 3.

W 83
581

„Дворянское гнѣздо“.

Романъ „Дворянское гнѣздо“, содержаніе котораго соотвѣственно названію состоитъ въ художественномъ описаніи провинціального дворянства конца XVIII и начала XIX ст., былъ написанъ Тургеневымъ въ 1859 году. Романъ этотъ заключаетъ 45 главъ съ эпилогомомъ, а по содержанію можетъ быть разбитъ на 4 части: I часть (главы I—VII)—жизнь въ домѣ Калитиныхъ до появленія главнаго дѣйствующаго лица всего романа—Лаврецакаго; II часть (VIII—XVI главы)—подробное описаніе авторомъ всей жизни Лаврецакаго, начиная съ ранняго дѣтства и кончая разрывомъ съ женой и возвращеніемъ на родину; III часть (главы XVII—XXXV)—жизнь Лаврецакаго въ деревнѣ и сближеніе съ Лизой; IV часть (главы XXXVI—XVL)—пріѣздъ жены Лаврецакаго и событія, разыгравшіяся послѣ этого. Перейдемъ теперь къ болѣе подробному изложенію каждой части.

Въ небольшомъ провинціальномъ городѣ О... передъ раскрытымъ окномъ сидѣли двѣ женщины: Марія Димитріевна Калитина и ея тетка — Марѳа Тимоѣевна Пестова. Первая была жена губернскаго прокурора, человѣка очень ловкаго, сумѣвшаго составить себѣ приличный капиталецъ и приобрести домъ въ указанномъ городѣ. Марія Димитріевна послѣ смерти своего брата получила родовое имѣніе Покровское, обмѣненное Калитинымъ на болѣе доходное, но безъ усадьбы. Пятнадцать лѣтъ прожили Калитины въ городѣ О..., и Марія Димитріевна такъ привыкла къ дому и къ городской жизни, что и послѣ смерти мужа осталась тамъ жить. Двѣ дочери Маріи Димитріевны—Лиза девятнадцати лѣтъ и одиннадцатилѣтняя Лена жили съ ней; сынъ ея воспитывался въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Петербурга.

Разговоръ обѣихъ женщинъ прерывается приходомъ Сергѣя Петровича Гедеоновскаго, всегда осѣдомленнаго обо всѣхъ событіяхъ города, и на этотъ разъ онъ сообщаетъ новость—пріѣхалъ Ѳеодоръ Ивановичъ Лаврецкій, родственникъ Маріи Димитріевны, котораго она не видала уже лѣтъ восемь. Въ это же время появляется новый гость Владимиръ Николаевичъ Паншинъ—молодой человѣкъ лѣтъ 28, чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, пріѣхавшій въ городъ О... для исполненія казеннаго порученія. Онъ часто бывалъ у Калитиныхъ и сумѣлъ снискать себѣ расположеніе почти всѣхъ членовъ дома, исключая Марѣи Тимофеевны, человѣка откровеннаго и прямого. Изящная внѣшность Паншина, а также всѣ его таланты, которые перечисляетъ намъ авторъ: онъ недурно пѣлъ, рисовалъ, игралъ на фортепіано, танцевалъ—не прельщали старушку, такъ какъ за всѣми его достоинствами скрывался человѣкъ эгоистичный и безсердечный, и только недалёковидная Марія Димитріевна могла этого не замѣчать. Не любить Паншина и Христофоръ Ѳеодоровичъ Леммъ, учитель музыки въ домѣ Калитиныхъ, который также приходитъ въ это время къ нимъ.

Владимиръ Николаевичъ хвалитъ духовную кантату, написанную Леммомъ и посвященную Лизѣ, чѣмъ немало его смущаетъ; онъ проситъ Лемма послѣ урока послушать, какъ онъ съ Лизой сыграютъ въ четыре руки Бетховенскую сонату. Затѣмъ всѣ за исключеніемъ Паншина и Лизы выходятъ изъ комнаты.

Далѣе авторъ дѣлаетъ небольшое отступленіе для описанія всей жизни и характеристики Лемма. Онъ родился въ саксонскомъ городѣ Хемницѣ въ 1786 году; родители его были люди бѣдные, отецъ игралъ на волторнѣ, а мать на арфѣ. Пяти лѣтъ онъ уже игралъ на трехъ инструментахъ, а въ 10 лѣтъ (родители его умерли, когда ему было 8 лѣтъ) уже принужденъ былъ зарабатывать себѣ на существованіе своимъ искусствомъ. Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ бродячей жизни онъ попалъ въ оркестръ и сталъ дирижеромъ. Въ Россію Леммъ пріѣхалъ 28-ми лѣтъ по приглашенію богатаго помѣщика, державшаго оркестръ, для котораго нуженъ былъ капельмейстеръ. Послѣ семилѣтняго пребыванія у этого помѣщика, впослѣдствіи раззорившагося, Леммъ остался безъ всякихъ средствъ. Его завѣтною мечтою было вернуться на

родину, а для этого онъ рѣшилъ заработать какъ можно больше денегъ, чтобы не съ пустыми руками вернуться изъ богатой Россіи. Но его мечтамъ не суждено было сбыться: мы застаемъ его уже совершенно одряхлѣвшимъ, больнымъ, еле зарабатывавшимъ себѣ на существованіе уроками. Онъ жилъ недалеко отъ Калитиныхъ со старой кухаркой, взятой имъ изъ богадѣльни. Поклонникъ Баха и Генделя, Леммъ не лишенъ былъ даже таланта, онъ написалъ не мало музыкальныхъ произведеній, но ни одно изъ нихъ не было издано. Давно уже онъ ничего не писалъ, но ради Лизы, своей лучшей ученицы, онъ снова взялся за сочинительство. Съ похвалъ Паншина этой духовной кантатѣ и начинается наше знакомство съ Леммомъ.

Игра Паншина и Лизы не клеится. Они берутся за рисованіе, и Паншинъ одобряетъ пейзажъ, который Лиза срисовывала. Входитъ Леммъ и, поклонившись, хочетъ уйти, Паншинъ старается задержать его, предлагая поспорить о Шекспирѣ, любимомъ писателѣ Лемма; но послѣдній, оправдываясь неодогаеміемъ, уходитъ. Лиза провожаетъ его и извиняется, что показала Паншину духовную кантату, но Леммъ не обиженъ, онъ только находитъ, что Паншинъ не можетъ ея понять, т. к. онъ диллетантъ. Лиза съ этимъ мнѣніемъ не соглашается.

Во дворъ входитъ вдругъ незнакомый господинъ и подходитъ къ Лизѣ, говоря, что онъ узналъ ее, несмотря на то, что восемь лѣтъ прошло, какъ онъ видѣлъ ее. Господинъ этотъ—Ееодоръ Ивановичъ Лаврецкій. Онъ пріѣхалъ изъ Берлина и на другой же день собирается уѣхать къ себѣ въ деревню, которая досталась ему въ наслѣдство послѣ смерти тетки. Лаврецкій не долго сидитъ въ гостиной Калитиныхъ, онъ скоро уходитъ наверхъ къ Марѣ Тимоѣевнѣ, которая знала его съ самаго ранняго дѣтства. Въ этотъ же вечеръ Паншинъ при прощаніи съ Лизой говоритъ ей о причинѣ своихъ частыхъ посѣщеній—о своихъ отношеніяхъ къ ней.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее изложеніе своего романа, авторъ довольно подробно останавливается на описаніи рода Лаврецкихъ и всей жизни Ееодора вплоть до пріѣзда въ городъ О... Среди предковъ Лаврецкаго было не мало лицъ, занимавшихъ разныя государственныя должности. Самымъ богатымъ изъ нихъ былъ прадѣдъ Ееодора

Ивановича—Андрей, человекъ „жестокій, дерзкій, умный и лукавый“. Сынъ Андрея—Петръ мало походилъ на своего отца: особенно любилъ онъ псовую охоту и отличался хлѣбосольствомъ, отчего въ домѣ его никогда не переводились гости; жена его, женщина кроткаго нрава, мало вмѣшивалась въ дѣла, только принимала гостей и сама охотно ѣздила съ визитами. У нихъ было двое дѣтей: сынъ Иванъ (отецъ Θεодора) и дочь Глафира; первый воспитывался у богатой тетки княжны Кубенской, жившей въ Петербургѣ, которая назначила его своимъ наслѣдникомъ. Тетка приглашала Ивану всевозможныхъ учителей, роскошно его одѣвала. Но когда Ивану минуло девятнадцать лѣтъ, она чуть-ли не въ 70 лѣтъ вышла замужъ за француза Куртена, на имя котораго перевела все свое состояніе. Такимъ образомъ, изъ богатаго наслѣдника молодой Лаврецкій сталъ приживальщикомъ, и волей—неволей ему пришлось ѣхать къ отцу въ деревню. Нельзя сказать, чтобы здѣсь его встрѣтили особенно привѣтливо: отецъ былъ недоволенъ всѣмъ воспитаніемъ и привычками сына, а сестра Глафира возненавидѣла его, какъ соперника въ наслѣдованіи отцовскаго имѣнія, да кромѣ того она завидовала брату, хорошо знавшему иностранные языки и вообще кое-чему поучившемуся. Только мать одна сочувственно относилась къ сыну, и въ ея комнатѣ онъ проводилъ цѣлые дни.

Такъ прожилъ Иванъ годъ въ имѣніи отца; передъ отъѣздомъ онъ противъ воли послѣдняго женился на простой крестьянской дѣвушкѣ Маланѣ, бывшей горничной матери. Еще до женитьбы Ивана отецъ его, узнавъ объ отношеніяхъ сына къ Маланѣ, едва не проклиналъ его, а дѣвушку хотѣлъ сослать въ дальнюю деревню. Послѣ свадьбы Иванъ Петровичъ отвезъ жену къ своимъ родственникамъ—Пестовымъ, жившимъ въ деревнѣ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Петръ Андреевичъ, огорченный свадьбой сына, и слышать не хотѣлъ о немъ, мать же въ тайнѣ отъ мужа послала ему 500 руб. и велѣла передать черезъ посланнаго свое родительское благословеніе Маланѣ Сергѣевнѣ. Въ Петербургѣ Ивану Петровичу, съ помощью княжны Кубенской, подарившей ему 5000 рублей, удалось получить мѣсто при русской миссіи въ Лондонѣ, и онъ уѣхалъ за границу съ первымъ отходившимъ англійскимъ кораблемъ.

Вскорѣ онъ получилъ извѣстіе отъ Пестова, что въ селѣ Покровскомъ 20 августа 1807 г. у него родился сынъ, названный Ѳеодоромъ. Рожденіе внука смягчило немного старика Лаврецкаго, онъ послалъ невѣсткѣ деньги и справлялся объ ея здоровьѣ. Когда Ѳедѣ было нѣсколько мѣсяцевъ, умерла Анна Павловна, передъ самой смертью она взяла съ мужа слово разрѣшить невѣсткѣ съ внукомъ жить у нихъ въ деревнѣ; сыну же Петръ Андреевичъ написалъ, что ради смертнаго часа его матери онъ возвращаетъ ему свое благословеніе. Вначалѣ Маланья Сергѣевна чувствовала себя неловко въ домѣ тестя, но вскорѣ она привыкла; Петръ Андреевичъ даже полюбилъ ее, хотя разговаривалъ съ ней очень мало. Труднѣе было ужиться бѣдной женщиной съ Глафирой, глубоко ненавидѣвшей золовку; особенно тяжело стало ей, когда Глафира рѣшила, что Маланья Сергѣевна не въ состояніи заниматься воспитаніемъ Ѳеди, и почти не допускала его къ матери. Въ своихъ письмахъ къ мужу она умоляла его пріѣхать, и лишь только 12-й годъ вызвалъ Ивана Петровича изъ-за границы. Онъ вполне согласился съ мнѣніемъ Глафиры, и Ѳедя продолжалъ быть отстраненнымъ отъ матери. Послѣ второго отъѣзда мужа Маланья Сергѣевна не могла перенести подобнаго удара и смертельно заболѣла. Она умерла тихо и спокойно и передъ смертью умоляла Глафиру не оставлять ей сына. Старикъ Лаврецкій умеръ спустя 5 лѣтъ послѣ ея смерти. Узнавъ о смерти отца, Иванъ Петровичъ вернулся на родину. Ѳедѣ въ это время шелъ 12-й годъ, и пора было серьезно позаняться его воспитаньемъ. Прежде всего былъ приглашенъ швейцарецъ, обучавшій его гимнастикѣ; затѣмъ онъ изучалъ естественныя науки, международное право, столярное ремесло и геральдику. Для закаленія здоровья онъ вставалъ въ 4 часа утра, ѣздилъ верхомъ, ѣлъ разъ въ день и т. д. Особенно старался Иванъ Петровичъ воспитать въ сынѣ презрѣніе къ женщинамъ.

Годы уходили... Большую часть времени Иванъ Петровичъ проводилъ въ Лаврикахъ, своемъ главномъ имѣніи, въ которомъ хозяйствомъ попрежнему завѣдывала его сестра Глафира. Иногда только онъ наѣзжалъ въ Москву. Съ наступленіемъ 1825 года, когда многіе знакомые Ивана Петровича подверглись изгнанію и опалѣ, онъ удалился въ деревню, опустился, ослабѣлъ и даже началъ посѣщать цер-

ковъ. Когда молодой Лаврецкій ужъ подумывалъ объ отъѣздѣ изъ деревни въ Москву для поступленія въ университетъ, отецъ его неожиданно ослѣпъ. Три года ѣздилъ онъ съ сыномъ по всей Россіи отъ врача, къ врачу, но безрезультатно; возвратившись въ Лаврики, онъ сталъ неузнаваемъ: бранилъ домашнихъ, бранилъ политику, жаловался на судьбу. Спустя два года онъ умеръ, когда сыну его было 23 года. Послѣ смерти отца, поручивъ завѣдываніе хозяйствомъ своей теткѣ Глаеирѣ, Теодоръ Ивановичъ поступаетъ въ московскій университетъ на физико-математическое отдѣленіе.

Мало встрѣчаясь съ людьми раньше, онъ не сошелся ни съ кѣмъ изъ товарищей, считавшихъ его какимъ-то чудачкомъ. Только со студентомъ Михалевичемъ—энтузіастомъ и стихотворцемъ, Лаврецкій сошелся нѣсколько ближе. Косвеннымъ образомъ этотъ Михалевичъ сыгралъ большую роль во всей дальнѣйшей жизни своего молодого друга. Лаврецкій часто ходилъ въ театръ (онъ сильно увлекался игрою Мочалова) и однажды на одномъ представленіи въ ложѣ бель-этажа онъ замѣтилъ молодую красавицу, до того овладѣвшую его вниманіемъ, что онъ не могъ съ обычнымъ интересомъ слѣдить за игрою Мочалова. Дѣвушка эта—Варвара Павловна Коробьина—оказалась знакомой Михалевича, и это особенно поразило Лаврецкаго: какъ-бы судьба сама способствовала его знакомству съ ней. И это знакомство состоялось: спустя пять дней Михалевичъ ввелъ своего друга въ домъ Коробьиныхъ, гдѣ онъ былъ принятъ необыкновенно радушно. Съ Варварой Павловной онъ сразу почувствовалъ себя легко и непринужденно: она такъ умно и мило умѣла обо всемъ поговорить, не заставляя долго себя просить, сыграла нѣсколько вещей на фортепiano. Съ тѣхъ поръ Лаврецкій сталъ часто бывать у Коробьиныхъ, а спустя полгода Варвара Павловна стала его женой. Еще до свадьбы Лаврецкій оставилъ университетъ, а затѣмъ поѣхалъ съ молодой женой въ Лаврики. Несмотря на запущенность этой усадьбы, Варвара Павловна быстро ввела тамъ и уютъ, и порядокъ; только съ Глафирой Петровной никакъ не могла она ужиться, и въ концѣ-концовъ довела послѣднюю до того, что она оставила всѣ ключи и удалилась въ свое имѣніе Васильевское. Завѣдываніе хозяйствомъ перешло къ отцу Варвары Павловны—генералу Коробьину. На зиму Лаврецкіе переѣхали въ Петербургъ, гдѣ провели два года; они устраивали веселыя музыкальныя и тан-

цевальные вечеринки, завели знакомства въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества. Свободное отъ пріемовъ время Лаврецкій посвящалъ чтенію, приступилъ къ изученію англійскаго языка. Рожденіе и смерть ребенка разстроили здоровье Варвары Павловны, и лѣтомъ Лаврецкіе по совѣту врачей уѣхали за границу. Лѣто и осень они провели въ Германіи и Швейцаріи, а на зиму поѣхали въ Парижъ. Тамъ Варвара Павловна быстро завела знакомства не только среди русскихъ, но и среди французовъ; Лаврецкій слушалъ лекціи, читалъ газеты, но такая жизнь не удовлетворяла его—онъ рѣшилъ къ слѣдующей зимѣ непременно вернуться въ Россію, а на лѣто уѣхать съ женой въ Баденъ—Баденъ. Но вскорѣ планы его совершенно измѣнились. Однажды въ кабинетѣ своей жены въ ея отсутствіи онъ нашелъ записку, изъ содержанія которой узналъ, что жена его находится въ связи съ нѣкимъ Эрнестомъ, пустымъ, легкомысленнымъ малымъ. Это открытіе какъ громомъ поразило Лаврецкаго, слѣпо довѣрявшаго своей женѣ. Онъ отослалъ ей найденную записку съ небольшою припиской: назначалъ 15000 франковъ ежегодной пенсіи и прощался съ ней навсегда. Затѣмъ Лаврецкій написалъ своему бургомистру, чтобы онъ принялъ отъ генерала управленіе имѣніемъ и распорядился о выѣздѣ послѣдняго изъ Лаврикъ. Самъ же онъ уѣхалъ въ Италію. Только спустя 4 года послѣ этого событія, столь сильно на него повліявшаго, Лаврецкій возвратился на родину, прибывши въ городъ О..., гдѣ авторъ и знакомитъ читателя со своимъ героемъ.

На другой день послѣ перваго визита къ Калитинымъ Лаврецкій снова пришелъ къ нимъ, чтобы проститься, онъ уѣзжалъ къ себѣ въ деревню. Изъ разговоровъ съ Марьей Дмитриевной и Марей Тимоевской онъ узнаетъ, что Паншинъ далеко не прочь жениться на Лизѣ, и что бракъ этотъ весьма возможенъ. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ въ Васильевское. По дорогѣ туда Θεодоръ Ивановичъ вспоминаетъ свое дѣтство, молодость, женитьбу, а также думаетъ о Лизѣ Калитиной. Такъ незамѣтно доѣзжаетъ онъ до Васильевскаго. Въ небольшомъ домѣ, на порогъ котораго встрѣчаетъ Лаврецкаго старый слуга Антонъ, все осталось неизмѣненнымъ со времени смерти Глафиры Петровны (она умерла два года тому назадъ). Весь слѣдующій день настроеніе Лаврецкаго было немного грустное, но вмѣстѣ съ тѣмъ

умиротворенное; онъ не сожалѣлъ о прошломъ, а будущая жизнь рисовалась ему тихой и мирной, общее же представленіе о ней было смутно и неясно. Одно только сознавалъ онъ отчетливо: онъ снова вернулся на родину. Въ теченіе двухъ недѣль Лаврецкій привелъ въ порядокъ все имѣніе, выписалъ себѣ книги и журналы, перевезъ изъ Лаврикъ часть мебели, однимъ словомъ зажилъ, по выраженію автора, не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Много бесѣдовалъ онъ со старикомъ Антономъ, рассказывавшимъ ему о жизни Глафиры Петровны въ послѣдніе годы. Спустя три недѣли, Лаврецкій снова поѣхалъ къ Калитинымъ, и съ этого времени начинается сближеніе его съ Лизой. Онъ приглашаетъ Калитиныхъ погостить къ себѣ въ деревню, и за это время такъ сходитъ съ Лизой, что даже рѣшаетъ спросить объ ея отношеніяхъ къ Паншину. Лиза не отрицаетъ, что Владимиръ Николаевичъ ей нравится и она даже готова выйти за него замужъ, такъ какъ этого брака желаетъ ея мать. Послѣ отъѣзда Калитиныхъ Лаврецкій, просматривая получаемые имъ журналы, въ одномъ изъ нихъ находитъ извѣстіе о смерти жены. Сильно пораженный и взволнованный, онъ всю ночь не могъ заснуть, а на другой день сообщилъ эту вѣсть Лизѣ. Въ свою очередь, Лиза рассказала Лаврецкому, что Паншинъ сдѣлалъ ей предложеніе, но она не дала окончательнаго отвѣта. Спустя нѣсколько дней, Лиза, не смотря на слезы и просьбы матери, окончательно отказала Паншину стать его женой. Въ этомъ ея рѣшеніи, конечно, не малую роль играло сближеніе съ Лаврецкимъ, чему много способствовали частыя бесѣды съ нимъ. Лиза полюбила Лаврецкаго глубокою и чистою любовью, и онъ платилъ ей тѣмъ же. Казалось бы все клонилось къ ихъ взаимному счастью, но судьба судила иное...

Описаніе дальнѣйшихъ событій, рѣзко измѣнившихъ всю жизнь Лаврецкаго и Лизы, и составляетъ послѣднюю часть романа. Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ событіямъ, Тургеневъ немного останавливается на описаніи жизни Лизы до встрѣчи съ Лаврецкимъ. Десяти лѣтъ лишилась она отца. Но и при жизни онъ мало удѣлялъ вниманія ея воспитанію: постоянно занятому своими дѣлами, ему некогда было возиться съ дѣтьми. Всѣ заботы Марьи Дмитриевны сводились къ тому, чтобы нарядить Лизу какъ можно лучше и показать гостямъ. Самое сильное вліяніе на Лизу оказа-

ла ея няня Агафья Васильевна: въ молодости веселая, смѣлая, рѣчистая, она, схоронивъ мужа и нѣсколькихъ дѣтей, стала къ старости богомольна и молчалива. Агафья разсказывала Лизѣ Житія Святыхъ, водила ее въ церковь къ ранней заутренѣ, часто бесѣдовала съ дѣвочкой о Богѣ и Иисусѣ Христѣ. Лиза училась хорошо, но не отличалась особенно хорошими способностями. Изъ окружающихъ она любила всѣхъ, говоритъ авторъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ никого въ особенности; только одного Бога любила она восторженно, робко, нѣжно. Такъ шла ея жизнь, спокойно, ровно до встрѣчи съ Лаврецкимъ. Онъ первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь,

Всѣ надежды и планы Лаврецкаго неожиданно разрушаются внезапнымъ прїѣздомъ его жены съ дочерью въ Васильевское—извѣстіе объ ея смерти оказалось ложнымъ. При встрѣчѣ съ мужемъ Варвара Павловна разыгрываетъ комедію раскаянія, умоляетъ простить ее ради дочери, но Лаврецу эта сцена была глубоко противна: слишкомъ велика была пропасть между нимъ и женой. Затѣмъ Варвара Павловна отправляется къ Калитинымъ и тамъ очаровываетъ всѣхъ, кромѣ Марѣы Тимоѣевны и Лизы; но послѣдняя заставляетъ себя быть съ нею любезной—въ прїѣздѣ жены Лаврецкаго Лиза видитъ возмездіе за ихъ вредные помыслы. Съ этого времени на душѣ Лизы созрѣваетъ твердое рѣшеніе уйти въ монастырь, чтобы замолить не только свои, но и отцовскіе грѣхи. Она навсегда отказывается отъ личнаго счастья, и ни слезы и мольбы матери, ни увѣренія Марѣы Тимоѣевны, ни убѣжденія Лаврецкаго не могутъ поколебать ея рѣшенія. Послѣдняя встрѣча Лизы съ Лаврецкимъ произошла въ комнатѣ Марѣы Тимоѣевны; Лиза умоляла Теодора Ивановича примириться съ женой и навсегда разставалась съ нимъ. Черезъ полъ года она постриглась въ монахини.

Лаврецкій послѣ объясненія съ Лизой прожилъ еще нѣкоторое время въ деревнѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Москву. Варвара Павловна тоже прожила въ Лаврикахъ недолго: зимою она поѣхала съ дочерью въ Петербургъ, гдѣ поселилась на отдѣльной квартирѣ, взятой для нея Паншинымъ, еще раньше покинувшимъ О...

Эпилогъ. Прошло восемь лѣтъ, и за это время съ дѣйствующими лицами романа произошло не мало перемѣнъ.

Михалевичъ получилъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи; Марья Дмитріевна, Марѳа Тимоѳеевна и Леммъ уже умерли; Варвара Павловна уѣхала въ Парижъ, гдѣ устроила себѣ настоящій салонъ; Паншинъ почти дослужился до директора, но въ бракъ не вступилъ. Съ остальными лицами мы встрѣчаемся снова въ городѣ О..., въ домѣ Калитиныхъ. Самъ городъ мало измѣнился, но измѣнился домъ Калитиныхъ—онъ какъ бы помолодѣлъ и весь наполненъ былъ молодыми голосами; тамъ собрались: Леночка со своимъ женихомъ, молодой Калитинъ съ женой, сестра его жены и Шурочка. Молодежь весело смѣялась и болтала въ саду, какъ вдругъ къ воротамъ подѣхалъ экипажъ, и изъ него вышелъ Лаврецкій. Онъ сильно постарѣлъ за это время. Сначала всѣ молодые люди притихли, но потомъ снова отдались веселю; Лаврецкій же обошелъ весь домъ и садъ, съ которыми у него было связано столько воспоминаій, а затѣмъ незамѣтно удалился.

Отцы и дѣти.

Романъ „Отцы и дѣти“ написанъ Тургеневымъ въ 1861 году и состоитъ изъ 28 главъ.

На постояломъ дворѣ, находящемся въ 15 верстахъ отъ Марьина, имѣнія Николая Петровича Кирсанова, владѣлецъ этого имѣнія ждетъ съ нетерпѣніемъ своего сына Аркадія, окончившаго въ этомъ году университетъ со званіемъ кандидата и пріѣзжающаго отдохнуть къ отцу въ деревню. Николай Петровичъ, сынъ въ свое время извѣстнаго генерала, по окончаніи университета тоже со званіемъ кандидата, служилъ въ министерствѣ удѣловъ, куда записалъ его отецъ; но тамъ онъ пробылъ недолго. Еще при жизни родителей онъ полюбилъ дочь одного чиновника, на которой женился послѣ ихъ смерти—они умерли вскорѣ послѣ того, какъ Кирсановъ окончилъ университетъ. Проживъ съ молодой женою нѣкоторое время въ Петербургѣ, Николай Петровичъ затѣмъ окончательно переѣхалъ въ деревню, гдѣ у него и родился сынъ—Аркадій. Послѣ десяти лѣтъ счастливой супружеской жизни жена Кирсанова скончалась, что было для него большимъ ударомъ. Онъ думалъ уѣхать за-границу, но наступилъ 48-й годъ, и Николай Петровичъ остался жить въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ. Когда сынъ его поступилъ въ университетъ, онъ первые три года его пребыванія въ столицѣ прожилъ съ нимъ, стараясь встрѣчаться и знакомиться съ товарищами Аркадія; затѣмъ онъ снова удалился въ деревню. Вмѣстѣ съ Аркадіемъ пріѣхалъ и товарищъ его Евгений Васильевичъ Базаровъ, съ которымъ первый и знакомить отца. Николай Петровичъ съ сыномъ усаживаются въ коляску, а Базаровъ—въ тарантасъ, и они всѣ ѣдутъ въ Марьино. По дорогѣ отецъ рассказываетъ Аркадію всѣ домашнія новости, жалуется на хозяйственныя хлопоты и, какъ бы между прочимъ, сообщаетъ ему, что у

нихъ въ домѣ теперь живетъ одна дѣвушка, о которой Аркадій вѣрно ужъ слыхалъ,—Өеничка.

Мать Өенички, Арина Саввишна, служила экономкой у Николая Петровича. Она была образцовой хозяйкой, и благодаря ей въ домѣ царствовали чистота и порядокъ. Съ Өеничкой Николай Петровичъ познакомился случайно, когда мать привела ее къ нему въ качествѣ пациентки (ей попала въ глазъ искра изъ печки). Она очень понравилась Кирсанову своей скромностью и миловидностью. Послѣ смерти Арины Саввишны Өеничка осталась совершенно одинокой, и Николай Петровичъ принялъ въ ней самое близкое участіе. Вскорѣ она поселилась у него въ домѣ. Когда пріѣхалъ Аркадій, она вела ужъ все хозяйство и возилась со своимъ сыномъ Митей, прижитымъ ею съ Николаемъ Петровичемъ.

Такъ незамѣтно доѣзжаютъ они до Марьина, гдѣ Аркадія радостно встрѣчаетъ его дядя Павелъ Петровичъ Кирсановъ, человѣкъ лѣтъ 45, очень изысканно одѣтый.

Послѣ ужина, за которымъ говорили очень мало, всѣ члены дома разошлись по своимъ комнатамъ. На другой день Аркадій утромъ познакомился съ Өеничкой и узналъ, что у него есть и братишка. За утреннимъ чаемъ (Базарова въ это время не было уже дома) Павелъ Петровичъ заводитъ разговоръ о пріятелѣ Аркадія, о томъ, чѣмъ онъ занимается и каково его званіе. Аркадій характеризуетъ его какъ нигилиста—человѣка, „который ко всему относится съ критической точки зрѣнія“. По всему видно, что Базаровъ не понравился Павлу Петровичу. Когда Базаровъ приходитъ съ прогулки и садится пить чай, Павелъ Петровичъ старается завести съ нимъ бесѣду, чтобы ознакомиться съ его взглядами. Вскорѣ разговоръ ихъ принимаетъ довольно острый характеръ, и Николаю Петровичу стоитъ большихъ усилій перевести его на другія темы. Затѣмъ оба брата Кирсановы уходятъ, а Аркадій остается съ Базаровымъ. Чтобы поднять въ глазахъ друга престижъ своего дяди, онъ рассказываетъ ему всю исторію жизни Павла Петровича. Павелъ Петровичъ воспитывался сначала дома, затѣмъ въ паже-скомъ корпусѣ. Отличаясь красотою, самоувѣренностью, онъ съ производствомъ въ офицеры сталъ появляться во всѣхъ слояхъ общества и всюду пользовался большимъ успѣхомъ, особенно среди женщинъ. Въ 28 лѣтъ онъ былъ уже капи

таномъ и могъ разсчитывать на самую блестящую каррьеру. Но скорѣ вся жизнь его переимѣнилась. Набалу въ одномъ домѣ Павелъ Петровичъ встрѣтился съ княгиней Р., въ которую скорѣ страстно влюбился. Ему удалось добиться съ ея стороны взаимности, но это не удовлетворяло его: ему казалось, что въ глубинѣ души любимой имъ женщины таится что то ему недоступное, и онъ никакъ не могъ понять всѣхъ странностей ея характера—то она веселилась до упаду, то запиралась у себя въ комнатѣ и горько рыдала, то предавалась всякаго рода удовольствіямъ, то цѣлые дни молилась. Особенно тяжело стало Павлу Петровичу, когда княгиня Р. разлюбила его и уѣхала за границу. Онъ вышелъ въ отставку, повсюду ѣздилъ за нею, а затѣмъ вернулся въ Россію. Жить попрежнему онъ не могъ, и въ началѣ 48-го года послѣ смерти жены Николая Перовича переѣхалъ къ нему въ деревню. Это время совпало со смертью княгини Р. Въ деревнѣ онъ устроилъ свою жизнь на англійскій ладъ: рѣдко встрѣчался съ сосѣдами, бывалъ только на выборахъ, посмѣиваясь надъ помѣщиками стараго закала, но и не сближаясь съ молодыми. Однако на Базарова этотъ разсказъ не произвелъ никакого впечатлѣнія, напротивъ, онъ сдѣлалъ изъ него выводъ далеко не въ пользу Павла Петровича.

Ужъ двѣ недѣли прошло, какъ Базаровъ жилъ въ Марьинѣ. Большая часть времени уходила у него на далекія прогулки, во время которыхъ онъ собиралъ травы и насѣкомыхъ. Онъ успѣлъ познакомиться съ Феничкой и даже расположить ее къ себѣ; такъ, она однажды ночью даже вызвала его къ Митѣ, у котораго было легкое недомоганіе. Всѣ дворовые также довѣрчиво относились къ Базарову; только Павелъ Петровичъ сильно не взлюбилъ пріятеля Аркадія. Однажды за вечернимъ чаемъ между ними снова произошло столкновеніе, вызванное отзывомъ Базарова о сосѣднемъ помѣщикѣ, объ аристократіи вообще. Споръ ихъ зашелъ бы довольно далеко, если бы Базаровъ не сумѣлъ его во время прекратить, удалившись вмѣстѣ съ Аркадіемъ. Павелъ Петровичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, а Николай Петровичъ—въ садъ. Имъ овладѣло грустное настроеніе: онъ понималъ, что сынъ его раздѣляетъ взгляды Базарова, которые были для него столь чужды. Онъ вспомнилъ при этомъ, какъ однажды, поспоривъ съ матерью, сказалъ ей:

„мы принадлежимъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ и понять другъ друга не можемъ“. Настала его очередь усвоить эту истину. Ему было тяжело, что между нимъ и сыномъ неизбежно разъединеніе. Въ этотъ же день вечеромъ Базаровъ говорилъ своему пріятелю, что ему пора ѣхать къ своимъ родителямъ, живущимъ въ 30-ти верстахъ отъ небольшого города, гдѣ жилъ богатый родственникъ Кирсанова—Матвѣй Ильичъ Калязинъ. Послѣдній приглашалъ родственниковъ побывать у него, и Базаровъ предлагаетъ Аркадію воспользоваться этимъ приглашеніемъ, чтобы поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ городъ. На другой день оба пріятеля и уѣхали туда.

По пріѣздѣ въ городъ, Аркадій прежде всего отправился къ Калязину, очень радушно его принявшему.

Онъ совѣтовалъ Аркадію непременно съѣздить съ визитомъ къ губернатору, у котораго надняхъ долженъ былъ состояться балъ, причемъ не преминулъ упомянуть какъ бы вскользь, что балъ этотъ губернаторъ устраиваетъ ради него. Аркадій уговорилъ Базарова пойти съ нимъ къ губернатору; послѣдній встрѣтилъ ихъ довольно привѣтливо и пригласилъ къ себѣ на балъ. На обратномъ пути отъ губернатора оба пріятеля были остановлены знакомымъ Базарова Ситниковымъ, съ гордостью отрекомендовавшимъ себя базаровскимъ ученикомъ. Онъ сейчасъ же предложилъ имъ пойти познакомиться съ Евдокіей Кукшиной, дамой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательно интересной, вполне эмансипированной. Кукшина очень обрадовалась новымъ знакомымъ, угостила ихъ вкуснымъ завтракомъ съ шампанскимъ, но при этомъ столько болтала всякаго вздору о здѣшнемъ городѣ, о здѣшнихъ жителяхъ, о женскомъ вопросѣ, о поэзіи, что Базаровъ съ Аркадіемъ поспѣшили скорѣе удалиться. Спустя нѣсколько дней, Базаровъ и Аркадій отправились на балъ къ губернатору. Тамъ собралось обширнѣйшее общество, среди котораго обратила на себя вниманіе Аркадія своей красивою наружностью и благородною осанкою молодая женщина въ черномъ платьѣ. Анна Сергѣевна Одинцова (такъ звали эту красавицу) была дочь Сергѣя Николаевича Локтева, извѣстнаго красавца, имѣвшаго значительное состояніе, но проигравшаго его и оставившаго своимъ двумъ дочерямъ только небольшое имѣніице; мать ихъ умерла еще раньше отца. Анна Сергѣевна скорѣе вышла замужъ за Одинцова,

который прожилъ съ нею шесть лѣтъ и передъ смертью завѣщалъ ей все свое состояніе. Въ настоящее время она проживала въ своемъ имѣніи Никольскомъ и только иногда пріѣзжала въ городъ. О ней ходили самые разнообразныя толки, но, отличаясь свободнымъ и рѣшительнымъ характеромъ, Анна Сергѣевна придавала имъ мало значенія. Ситниковъ познакомилъ съ нею Аркадія; онъ пригласилъ ее на мазурку, во время которой успѣлъ съ нею разговориться объ отцѣ, о своей жизни въ Петербургѣ и въ деревнѣ. Особенно много говорилъ онъ о Базаровѣ, которымъ Одинцова серьезно заинтересовалась. На слѣдующій день Аркадій со своимъ другомъ отправились къ Одинцовой, которою Базаровъ, въ свою очередь, также былъ заинтересованъ. Они просидѣли у нея довольно долго и чувствовали себя съ нею удивительно легко и свободно; съ ней обо всемъ можно было поговорить: о медицинѣ, ботаникѣ, музыкѣ. При прощаніи она пригласила своихъ новыхъ знакомыхъ къ себѣ въ Никольское. Они скоро воспользовались этимъ приглашеніемъ и черезъ два дня уже катили туда. Въ Никольскомъ ихъ встрѣтили два лакея, затѣмъ появился дворецкій, который повелъ ихъ особую комнату. Спустя полъ часа они сошли въ гостиную, гдѣ ихъ встрѣтила Анна Сергѣевна. Она познакомила ихъ съ своей сестрой Катей, восемнадцатилѣтней дѣвушкой, со смуглымъ пріятнымъ лицомъ и темными глазами, а также съ теткой, старой женщиной, съ сжатымъ въ кулачекъ лицомъ съ неподвижными глазами. Затѣмъ Одинцова предложила Базарову сыграть съ нею и еще съ однимъ знакомымъ въ преферансъ, а Аркадію послушать музыку Кати. Во время ужина бесѣда коснулась ботаники, и Анна Сергѣевна просила Базарова поучить ее разнымъ латинскимъ названіямъ, которыя были ей неизвѣстны. Разбираясь вечеромъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, Анна Сергѣевна созналась себѣ, что Базаровъ понравился ей рѣзкостью своихъ сужденій и отсутствіемъ кокетства.

Пятнадцать дней прошло уже, какъ Базаровъ и Аркадій пріѣхали въ Никольское, и время это пролетѣло совсѣмъ незамѣтно. Въ отношеніяхъ обоихъ пріятелей за этотъ періодъ произошло нѣкоторое измѣненіе. Они гораздо меньше бесѣдовали другъ съ другомъ, мало дѣлились своими впечатлѣніями объ Одинцовой, а больше говорили о Катѣ, о которой Базаровъ отзывался, какъ о цѣльной, еще совер-

шенно нетронутой натурѣ. Причина подобной перемѣны объяснялась чувствомъ, которое вызывала Одинцова какъ въ Базаровѣ, такъ и въ Аркадіи. Первый еще самъ не давалъ себѣ отчета въ томъ, что любить Одинцову, но считая, что не можетъ разсчитывать на ея взаимность, гордый и самолюбивый Базаровъ старался скрывать свое отношеніе къ ней, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что и Анна Сергѣевна къ нему равнодушна. Онъ рѣшилъ уѣхать изъ Никольскаго, о чемъ и сказалъ Одинцовой. Особенно утвердилось его рѣшеніе послѣ объясненія съ Анной Сергѣевной: она стала разспрашивать его о причинахъ его сдержанности и напряженности, вызвавши у него такимъ образомъ признаніе. Но Одинцова не отвѣтила ему взаимностью... Черезъ два дня послѣ этого объясненія Базаровъ съ Аркадіемъ покинули Никольское и отправились къ родителямъ Евгений Васильевича, имѣніе которыхъ было недалеко отъ усадьбы Одинцовой.

Невозможно описать той радости, съ которой родители Базарова встрѣтили своего сына — они его не видѣли уже три года. Особенно мать не могла наглядѣться на своего „Енюшу“, отецъ старался не выказывать такъ своей радости: какъ бывшему военному (онъ былъ штабъ-лекаремъ) ему не шло предаваться чувствительнымъ изліяніямъ, да онъ и зналъ, что сынъ не любитъ этого. На другой день утромъ Аркадій разговорился со старикомъ Базаровымъ и при этомъ отзывался съ большою похвалою о его сынѣ; тутъ ужъ старикъ не вытерпѣлъ и сознался Аркадію, что онъ боготворитъ и гордится сыномъ. Всего три дѣтъ прожили наши друзья у стариковъ Базаровыхъ. Какъ ни тяжело было Евгению Васильевичу сообщить родителямъ, что онъ собирается уѣзжать, но онъ все же рѣшился, наконецъ, сказать объ этомъ, чѣмъ ихъ не мало огорчилъ.

Оба пріятеля отправились въ Марьино и по дорогѣ заѣхали въ Никольское; тамъ они пробыли всего нѣсколько часовъ и въ тотъ же день уѣхали въ Марьино, гдѣ ихъ встрѣтили съ большою радостью. На другой день послѣ пріѣзда Базаровъ взялся за занятія: возился съ инфузоріями, съ лягушками, съ различными химическими составами. Аркадій старался помогать отцу въ хозяйствѣ, но мысли его были заняты совсѣмъ другимъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ какого то дѣла въ городѣ онъ покинулъ Марьино и уѣхалъ

снова въ Никольское. Въ этотъ разъ онъ былъ принять болѣе радушно, чѣмъ въ свой послѣдній прїѣздъ; особенно рада была ему Катя, съ которой онъ успѣлъ сблизиться еще во время перваго своего пребыванія въ Никольскомъ.

Послѣ отъѣзда Аркадія Базаровъ попрежнему занимался своими опытами, на которыхъ присутствовалъ иногда интересовавшійся ими Николай Петровичъ. Изъ всѣхъ членовъ дома Базаровъ особенно хорошо себя чувствовалъ съ Өеничкой; она привлекла его своей простотою, ласковостію и привѣтливостію. Өеничкѣ, въ свою очередь, тоже пріятно было посидѣть и побесѣдовать съ умнымъ Базаровымъ, и однажды въ бесѣдкѣ онъ даже позволилъ себѣ ее поцѣловать. Павелъ Петровичъ, бывшій случайнымъ свидѣтелемъ этого поцѣлуя, счелъ дѣйствія Базарова безчестными по отношенію къ брату и, какъ настоящій рыцарь, выступилъ на защиту его чести, вызвавши Базарова на дуэль. Она состоялась на пистолетахъ, и свидѣтелемъ дуэли былъ только Петръ, камердинеръ Николая Петровича. Павелъ Петровичъ былъ легко раненъ въ ногу и нѣкоторое время пролежалъ въ постели, такъ какъ значительно ослабѣлъ. Во время болѣзни онъ бесѣдовалъ съ Өеничкой объ ея отношеніяхъ къ Николаю Петровичу, а затѣмъ говорилъ и съ нимъ, советуя ему жениться на Өеничкѣ, матери его сына. Обрадованный Николай Петровичъ, который считалъ брата самымъ ярымъ противникомъ подобнаго брака, обѣщалъ непременно исполнить его просьбу. Какъ только Павелъ Петровичъ почувствовалъ себя лучше, Базаровъ уѣхалъ изъ Марьина. Онъ рѣшилъ ѣхать обратно къ родителямъ, но раньше еще заѣхалъ въ Никольское. Онъ разсказалъ Аркадію о своей дуэли съ Павломъ Петровичемъ, а затѣмъ хотѣлъ уѣхать, но все же остался, чтобы повидаться съ Анной Сергѣевной. Пробылъ онъ въ Никольскомъ недѣлю. И Базаровъ и Анна Сергѣевна теперь ясно почувствовали, что они разойдутся въ разныя стороны и ужъ навсегда. Та близость, которая создалась было между ними, теперь окончательно порвалась.

За это короткое время пребыванія Базарова въ Никольскомъ Аркадій, успѣвшій привязаться къ Катѣ и даже объяснить ей въ любви, написалъ записку Аннѣ Сергѣевнѣ, прося руки ея сестры. При прощаніи Базаровъ пожелалъ своему другу, очень огорченному его отъѣздомъ, свить

себѣ гнѣздышко потеплѣе и обзавестись дѣтками—онъ одобрялъ намѣренія Аркадія жениться, такъ какъ, по его мнѣнію, другъ его не былъ созданъ для „горькой, терпкой, бо-
льшой жизни“.

Неожиданный пріѣздъ сына былъ большимъ сюрпризомъ для его родителей, тѣмъ болѣе, что онъ заявилъ имъ о своемъ намѣреніи прожить у нихъ шесть недѣль. Первое время Базаровъ съ рвеніемъ принялся за работу, въ чемъ ему никто не мѣшалъ; но вскорѣ настроеніе его измѣнилось, онъ бывалъ часто грустенъ и ему часто пріятно было сидѣть въ обществѣ отца, матери или просто бесѣдовать съ крестьянами. Онъ началъ помогать отцу въ его деревенской практикѣ, и тотъ былъ несказанно радъ такому помощнику. Однажды къ нимъ въ деревню привезли мужика больного тифомъ; мужикъ скоро скончался. Тѣло его было вскрыто уѣзднымъ врачомъ, и на этомъ вскрытіи присутствовалъ также и Базаровъ. Во время вскрытія онъ порѣзалъ себѣ палець.

По пріѣздѣ домой онъ небрежнымъ тономъ спросилъ отца, нѣтъ ли у него адскаго камня, чтобы прижечь ранку. Послѣ настойчивыхъ разспросовъ отецъ узналъ, въ чемъ дѣло, и умолялъ сына разрѣшить ему прижечь эту ранку. Сильно встревоженный старикъ Базаровъ не отходилъ отъ сына, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался себя успокоить надеждой, что опасность минуетъ. Однако надежды его не оправдались—появились всѣ симптомы зараженія крови, и отецъ съ сыномъ, какъ врачи, понимали, что спасенія нѣтъ. Базаровъ проситъ отца послать за Одинцовой. Она скоро пріѣхала съ нѣмцемъ докторомъ, осмотрѣвшимъ больного и и заявившимъ Аннѣ Сергѣевнѣ, что положеніе его безнадежно. Оставшись наединѣ съ Одинцовой, Базаровъ благодаритъ ее за посѣщеніе, хвалитъ ея великодушіе и проситъ хоть немного утѣшить его родителей. Затѣмъ онъ впалъ въ забытіе и ужъ болѣе не просыпался. Такъ въ полузабытіи и совершенъ былъ надъ нимъ обрядъ причастія.

Спустя шесть мѣсяцевъ со дня смерти Базарова мы снова встрѣчаемся почти со всѣми дѣйствующими лицами романа въ имѣннѣ Кирсановыхъ, Марьинѣ. Тамъ устраивается прощальный обѣдъ по случаю отъѣзда Павла Петровича въ Москву. Недѣлю тому назадъ состоялись двѣ свадьбы: Аркадія съ Катей, Николая Петровича съ Өеничкой, и

теперь всѣ они собрались въ Марьинѣ. Анна Сергѣевна уѣхала сейчасъ же послѣ свадьбы сестры и вскорѣ также вышла замужъ за одного изъ будущихъ русскихъ дѣятелей, человека умнаго, добраго и холоднаго, какъ ледь. Отецъ и сынъ Кирсановы остались жить въ Марьинѣ. Аркадій сталъ хорошимъ хозяиномъ, а Николай Петровичъ въ качествѣ мирового посредника работалъ изо всѣхъ силъ, стараясь „вразумлять“ мужиковъ. Павелъ Петровичъ вскорѣ окончательно переѣхалъ за границу, поселившись въ Дрезденѣ, гдѣ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны пріѣзжавшихъ русскихъ и англичанъ. За границу поѣхала и Кукшина: она въ Гейдельбергѣ занялась изученіемъ архитектуры.

„РУДИНЪ“.

Романъ Тургенева „Рудинъ“ написанъ въ 1855 году. Онъ состоитъ изъ 12 главъ съ эпилогомъ.

Раннимъ лѣтнимъ утромъ Александра Павловна Липина направлялась изъ своего села въ недалеко отстоящую отъ него деревню; она шла навѣстить больную старуху, которой принесла лекарство. Александра Павловна была вдова, бездѣтна и довольна состоятельна; она жила въ своемъ имѣнии вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ Павловичемъ Волынцевымъ, завѣдывающимъ ея имѣніемъ. На обратномъ пути изъ деревни Александра Павловна встрѣтила своего знакомаго, сосѣдняго помѣщика Михаила Михайловича Лежнева, а затѣмъ брата съ Константиномъ Діомидычемъ Пандалевскимъ, жившимъ въ домѣ богатой помѣщицы Дарьи Михайловны Ласунской. Ласковый, услужливый, умѣющій играть на фортепіано Пандалевскій пользовался покровительствомъ Дарьи Михайловны, у которой жилъ въ качествѣ пріемыша или, вѣрнѣе, нахлѣбника. Волынцевъ поѣхалъ дальше распорядиться полевыми работами, а Александра Павловна съ Пандалевскимъ пошли вмѣстѣ по направленію къ ея усадьбѣ. По дорогѣ Константинъ Діомидычъ передалъ своей спутницѣ приглашеніе Дарьи Михайловны непременно быть у нея сегодня на обѣдѣ — она ждала къ себѣ гостя, барона Муффеля, любезнаго, образованнаго молодого человѣка, написавшаго интересную политико-экономическую статью и собиравшагося ее прочесть Дарьѣ Михайловнѣ. Александра Павловна обѣщала пріѣхать вмѣстѣ съ братомъ. Распрощавшись съ ней на поворотѣ къ имѣнію Ласунской, Пандалевскій направился домой. У самаго дома онъ встрѣтилъ сыновей Дарьи Михайловны съ учителемъ Басистовымъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ 23-хъ, добрымъ, честнымъ и пря-

мымъ малымъ, котораго ученики обожали. У Дарьи Михайловны въ имѣніи былъ роскошный каменный домъ, считавшійся первымъ по всей губерніи. Ласунская была вдова тайнаго совѣтника и принадлежала къ высшему свѣту; умная, знатная, богатая, отличавшаяся въ молодости необыкновенной красотой, она когда-то пользовалась всеобщей извѣстностью и поклоненіемъ. Каждое лѣто она проводила въ деревнѣ со своими тремя дѣтьми—двумя сыновьями десяти и девяти лѣтъ и дочерью Натальей, семнадцати лѣтъ. Въ деревенскомъ домѣ Дарьи Михайловны почти никогда не переводились гости, главнымъ образомъ, холостые мужчины; провинціальныхъ же дамъ Ласунская не долюбливала. Когда Панделевскій вошелъ въ гостиную, тамъ собрались уже всѣ члены дома: Дарья Михайловна, ея дѣти, гувернантка Натальи, m-elle Boncourt, Басистовъ. Кромѣ домашнихъ тамъ былъ еще Африканъ Семенычъ Пигасовъ, забавлявшій Дарью Михайловну своими, по ея мнѣнію, забавными выходками.

Сынъ бѣдныхъ родителей Пигасовъ, благодаря энергіи и настойчивости, при среднихъ способностяхъ достигъ званія кандидата, окончивши Дерптскій университетъ. Онъ думалъ посвятить себя наукѣ, но послѣ сильнаго провала на ученомъ диспутѣ поступилъ на службу. Сначала Пигасову повезло на новомъ поприщѣ, но вскорѣ онъ запутался и принужденъ былъ выйти въ отставку. Послѣ неудачной женитьбы на богатой помѣщицѣ, продавшей какому-то аферисту свое имѣніе и покинувшей мужа, Африканъ Семенычъ одиноко доживалъ свои дни, разѣзжая по сосѣдямъ и браня ихъ напропалую въ глаза и за-глаза. Онъ былъ озлобленъ противъ всего и всѣхъ, особенно противъ женщинъ, и нападать на нихъ доставляло ему истинное наслажденіе. И теперь, когда мы только знакомимся съ Пигасовымъ, онъ съ ожесточеніемъ доказываетъ, что барышни никогда не бываютъ естественны въ выраженіи своихъ чувствъ, что всѣ женщины эгоистичны, и эгоизмъ ихъ особаго рода—онѣ сами не живутъ и другимъ жить не даютъ. Отъ нападокъ на женщинъ онъ переходитъ къ нападкамъ на современную литературу, бранить малороссійскій языкъ. Появленіе Александры Павловны съ братомъ даетъ другое направленіе бесѣдѣ. Дарья Михайловна предлагаетъ всѣмъ до объѣда прогуляться по саду, и все общество слѣдуетъ этому совѣту.

Баронъ, ожидаемый всѣми съ такимъ нетерпѣніемъ, не пріѣхалъ къ обѣду. Въ семь часовъ получилось отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ. Это письмо вмѣстѣ со статьей барона было привезено его знакомымъ Дмитріемъ Николаевичемъ Рудинымъ, человѣкомъ лѣтъ 35, съ неправильнымъ, но выразительнымъ и умнымъ лицомъ, оживлявшимся быстрыми темно-синими глазами. Дарья Михайловна очень любезно приняла Рудина. Сначала онъ говорилъ мало, только очень умѣло отражая нападки Пигасова, касавшіеся значенія общихъ разсужденій, гипотезъ, системъ, заключеній обзорѣннѣй. По мнѣнію Пигасова, никакихъ убѣжденій не существуетъ и слѣдуетъ только считаться съ фактами. Рудинъ спокойно и быстро разбилъ всѣ положенія своего противника и такъ расположилъ въ свою пользу всѣхъ слушателей, что завладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ; особенно была довольна Дарья Михайловна, что она открыла подобнаго умника. Рудинъ коснулся самыхъ животрепещущихъ вопросовъ; онъ говорилъ о самолюбіи, объ эгоизмѣ, о любви къ истинѣ, потомъ началъ разсказывать о своей студенческой жизни въ Германіи, незамѣтно перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о значеніи просвѣщенія, науки, о жизни университетской вообще. Особенно сильное впечатлѣніе произвели рѣчи Рудина на Наталью и Басистова; послѣдній, говоритъ авторъ, „слушалъ такъ, какъ отроду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ, ея неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ, и заблесталъ“...

Дарья Михайловна упросила Рудина остаться ночевать, а остальные гости вскорѣ разъѣхались. На другой день утромъ хозяйка дома пригласила Рудина откушать съ ней чай; она разспрашивала Дмитрія Николаевича объ его семействѣ, намѣреніяхъ, предположеніяхъ; затѣмъ начала разсказывать о себѣ, о своей молодости, о людяхъ, съ которыми встрѣчалась. Рудинъ не только умѣлъ говорить, онъ умѣлъ также слушать, и терпѣливо выслушивалъ всю болтовню Дарьи Михайловны. Бесѣда ихъ была прервана пріѣздомъ Михаила Михайловича Лежнева, пріѣхавшаго по дѣлу къ Ласунской. Онъ пробылъ недолго, и по его уходѣ Дарья Михайловна стала распространяться на тему о чудачествахъ Лежнева. Оказалось, что Лежневъ былъ товари-

чемъ Рудина по университету, а потомъ они встрѣчались и за границей.

Выйдя отъ Дарьи Михайловны, Рудинъ встрѣтилъ на террасѣ Наталью, немного сутуловатую худую дѣвушку. Лицо ея отличалось правильными красивыми чертами и на немъ можно было замѣтить, что мысль этой дѣвушки, почти ребенка, работаетъ усиленно надъ разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ. Рудинъ попросилъ позволенія отправиться въ садъ съ Натальей и m^{lle} Boncourt. Постепенно они разговаривались, и Рудинъ, въ началѣ бесѣды жаловавшійся на душевную усталость и выражавшій желаніе отдохнуть, вдохновляясь собственными словами и поощреніемъ Натальи, закончилъ свою рѣчь порицаніемъ лѣни, малодушія и необходимости „дѣлать дѣло“. По дорогѣ домой они встрѣтили Воынцова, оставшагося къ обѣду. Воынцовъ уже давно любилъ Наталью и хотѣлъ сдѣлать ей предложеніе. Въ послѣдніе два дня съ пріѣздомъ Рудина настроеніе Сергѣя Павловича измѣнилось, хотя Наталья относилась къ нему попрежнему. И въ этотъ день Воынцовъ едва дождался конца обѣда и, не попрощавшись ни съ кѣмъ, поѣхалъ домой. Тамъ онъ встрѣтилъ Лежнева, котораго Александра Павловна старалась убѣдить въ умѣ и краснорѣчьи Рудина. Лежневъ не отрицаетъ этихъ его качествъ; онъ только говоритъ, что не любитъ Рудина.

По просьбѣ Александры Павловны Лежневъ рассказываетъ ей біографію Рудина. Дмитрій Николаевичъ былъ сынъ бѣдныхъ помѣщиковъ. Отецъ его умеръ рано, а мать, обожавшая своего единственного сына, всѣ деньги тратила на него, во всемъ себѣ отказывая. Учился онъ въ Москвѣ на счетъ дяди, а затѣмъ—одного князя, съ которымъ встрѣтился. Въ университетѣ Лежневъ и познакомился съ Рудинымъ. Объ университетской ихъ жизни Михаилъ Михайловичъ не хотѣлъ теперь рассказывать: онъ обѣщалъ это сдѣлать въ другой разъ. По окончаніи университета Рудинъ уѣхалъ за границу, откуда рѣдко писалъ матери: она умерла въ его отсутствіе, не спугая глазъ съ портрета своего любимца. Александра Павловна послѣ этого разсказа взяла съ Лежнева слово, что онъ возобновитъ свое знакомство съ Рудинымъ и лишь тогда выскажетъ о немъ окончательное мнѣніе.

Уже два мѣсяца прошло, какъ Рудинъ жилъ въ имѣнїи Дарьи Михайловны. Она низачто не хотѣла его отпустить и даже заняла ему пятьсотъ рублей. За это время опредѣлились отношенія къ Рудину всѣхъ лицъ, встрѣчавшихся съ нимъ: Пигасовъ рѣже прїѣзжалъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, такъ какъ Рудинъ подавлялъ его своимъ присутствіемъ; Пандалевскій побаивался его ума; Волинцовъ ревновалъ къ Натальѣ и поэтому былъ съ Рудинымъ только холодно вѣжливъ; зато Басистовъ благоговѣлъ предъ нимъ, ловя каждое его слово. Изъ всѣхъ членовъ дома Рудинъ часто бесѣдовалъ съ Дарьей Михайловной, но еще чаще и дольше съ Натальей. Она повѣряла ему всѣ свои сомнѣнія и мысли, какъ наставнику и другу. Часто бесѣдовали они о любви, и однажды Рудинъ высказалъ ту мысль, что только новая любовь можетъ изгнать изъ сердца вымершую, но все еще держащуюся въ немъ любовь. Эти слова смутили Наталью, хотя смыслъ ихъ ей былъ не совсѣмъ ясенъ. Придя къ себѣ въ комнату, Наталья думала надъ послѣдними словами Рудина, а потомъ горько зарыдала.

Въ этотъ же день у Александры Павловны снова шелъ съ Лежневымъ разговоръ о Рудинѣ. Лежневъ возмущался поведеніемъ его по отношенію къ Натальѣ и вообще такимъ продолжительнымъ пребываніемъ у Дарьи Михайловны, гдѣ онъ вмѣшивался во всѣ дразги и сплетни. Когда Александра Павловна стала обвинять Лежнева въ несправедливости и рѣзости сужденій, онъ рѣшилъ рассказать ей исторію своего знакомства съ Рудинымъ, когда онъ хорошо ознакомился съ характеромъ послѣдняго. Михаилъ Михайловичъ отзывался о Рудинѣ, какъ о человѣкѣ безъ души, любящемъ пожить на чужой счетъ, умѣющемъ только щеголять фразами и никогда не приводящемъ своихъ словъ въ дѣйствіе. Познакомился Лежневъ съ Рудинымъ въ кружкѣ самообразованія, гдѣ самую видную роль играли Рудинъ и студентъ Покорскій, человѣкъ чуткій, умный, отзывчивый. Несмотря на то, что Покорскій былъ и умнѣе и великодушнѣе Рудина, пальма первенства на всѣхъ диспутахъ всегда принадлежала послѣднему. Владѣя колоссальной памятью, умѣнѣемъ увлекаться собственными рѣчами и систематичностью въ своихъ доказательствахъ, Рудинъ обладалъ особымъ талантомъ увлекать слушателей и подымать ихъ въ собственныхъ глазахъ. Молодежь подчинялась ему,

какъ оратору, какъ вождю, но не любила его; зато Покорскаго всѣ боготворили. Въ первое время знакомства съ Рудинымъ Лежневъ привязался къ нему, и только встрѣтившись съ нимъ вторично за границей, оцѣнилъ его по достоинству, т. е. такъ, какъ охарактеризовалъ Александръ Павловнѣ. Бесѣда ихъ была прервана приходомъ Воынцова, поразившаго сестру и Лежнева своимъ грустнымъ видомъ.

Между тѣмъ отношенія Рудина и Натальи приняли тотъ оборотъ, о которомъ говорилъ Лежневъ Александръ Павловнѣ, и чего онъ такъ опасался. Чуткая, отзывчивая, съ рѣшительнымъ характеромъ Наталья, увлеченная всѣми рѣчами Рудина, готова была пойти на все, даже покинуть родительскій домъ и послѣдовать за Рудинымъ туда, куда онъ ее поведетъ. Первое объясненіе Натальи съ Рудинымъ произошло въ саду въ бесѣдкѣ, на другой день послѣ разговора Лежнева съ Александрой Павловной. Это свиданіе замѣтилъ Пандалевскій, и онъ не преминулъ сообщить Дарьѣ Михайловнѣ обо всемъ. Она позвала дочь къ себѣ и сдѣлала ей строжайшее внушеніе, но Наталью не легко было смутить—она категорически заявила матери, что скорѣе умретъ, чѣмъ измѣнитъ свое рѣшеніе. Когда Наталья на другое утро сообщила Рудину во время свиданія, что матери извѣстны ихъ отношенія, и что она, Наталья, ждетъ его совѣта, какъ поступить, Рудинъ не нашелся ничего другого ей сказать, какъ только, что она должна покориться волѣ матери. Эти слова, какъ громомъ поразили Наталью, но у нея хватило силы еще дойти до своей комнаты, гдѣ она безъ чувствъ упала на руки горничной Маши.

Послѣ всего происшедшаго Рудинъ понялъ, что онъ не можетъ оставаться больше въ домѣ Дарьи Михайловны. Объ этомъ онъ сообщилъ ей вскорѣ послѣ объясненія съ Натальей. Въ шесть часовъ былъ поданъ тарантасъ Рудина, и, торопливо распрощавшись со всѣми, онъ покинулъ усадьбу Ласунской. Провожалъ его только Басистовъ, и всю дорогу до станціи Рудинъ горячо и правдиво говорилъ о достоинствѣ человека, о значеніи для него истинной свободы и пожелалъ Басистову самому испытать это чувство.

Предъ отъѣздомъ Рудинъ написалъ два письма Воынцову и Натальѣ. Въ первомъ письмѣ онъ извѣщалъ Воынцова о своемъ отъѣздѣ, желалъ ему счастья и выражалъ надежду, что со временемъ Сергѣй Павловичъ измѣ-

нить свое мнѣніе о немъ. Письмо къ Натальѣ было написано Рудинымъ искренне и горячо; онъ какъ бы исповѣдывался передъ нею, сознавался въ своемъ малодушіи, въ боязни взять на себя слишкомъ много отвѣтственности, согласившись соединить судьбу Натальи со своею. Съ отъѣздомъ Рудина все въ домѣ вошло снова въ свою колею; только Наталія не могла чувствовать себя попрежнему, ея душѣ былъ нанесенъ тяжелый ударъ, отъ котораго оправляются не такъ легко.

Прошло около двухъ лѣтъ. Снова мы встрѣчаемся съ Александрой Павловной Лежневой — она уже болѣе года, какъ вышла замужъ за Михаила Михайловича. Она сидѣла на балконѣ своего дома съ Пигасовымъ. По саду, находящемуся передъ балкономъ, гуляла кормилица съ ребенкомъ Лежневыхъ. Пигасовъ по обыкновенію злословить на женщинъ, а Александра Павловна старается смягчить рѣзкость его выраженій. Пріѣзжаетъ Михаилъ Михайловичъ съ Басистовымъ, сообщившимъ интересную новость — Сергѣй Павловичъ сталъ женихомъ Натальи. Весь вечеръ прошелъ въ пріятной бесѣдѣ, и Лежневъ вспомнилъ и о Рудинѣ. Всѣ присутствующіе были поражены, когда Михаилъ Михайловичъ, подымая тостъ за Сергѣя Павловича и его невѣсту, предложилъ выпить и за здоровье Дмитрія Рудина. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, по мнѣнію Лежнева, Рудинъ принесъ и принесетъ не мало пользы: его слова, его рѣчи заронили не мало сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала въ силѣ дѣятельности, въ умѣнii исполнять собственныя мысли.

Въ тотъ же день, когда Лежневъ такъ тепло говорилъ о Рудинѣ, самъ Рудинъ находился въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи, подѣзжая въ дрянной, рогожной кибиткѣ къ небольшой станціи, откуда ему нужно было ѣхать въ Пензу. Рудинъ мало измѣнился за это время, только волосы его немного побѣлѣли, да прекрасные глаза слегка потуснѣли.

Эпilogъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ губернскомъ городѣ С... въ гостинницѣ встрѣчаются проѣздомъ Рудинъ съ Лежневымъ. Лежневъ предлагаетъ своему бывшему другу снова пообѣдать съ нимъ по старинному, по товарищески. Во время обѣда они вспоминаютъ студенческіе годы, своихъ прежнихъ знакомыхъ. Лежневъ проситъ Рудина рассказать

ему о своей жизни, о овоихъ приключеніяхъ и мытарствахъ. Дмитрій Николаевичъ соглашается, и во время этой послѣдней встрѣчи бывшихъ друзей предъ глазами Лежнева прошла вся исторія жизни многострадальной, мятущейся натуры Рудина.

Въ Москвѣ Рудинъ сошелся съ однимъ богатымъ помѣщикомъ, питавшимъ особую страсть къ наукѣ. Рудинъ понравился ему, и помѣщикъ предложилъ ему поселиться у него въ деревнѣ. Рудинъ уѣхалъ туда съ самыми обширными планами, но ему не удалось привести ихъ въ исполненіе, такъ какъ онъ вскорѣ разошелся съ этимъ помѣщикомъ и уѣхалъ отъ него. Потомъ Рудинъ сталъ пробовать свои силы на другихъ поприщахъ, пытался взяться за практическую дѣятельность: превратить рѣку въ К... губерніи въ судоходную; вздумалъ найти примѣненіе своимъ способностямъ въ педагогической дѣятельности; но всѣ эти попытки кончились неудачно. Теперь онъ ѣдетъ въ свою деревню, гдѣ думаетъ прожить оставшуюся жизнь. Разставаясь съ Рудинымъ, Лежневъ искренно предлагаетъ своему другу пріѣхать къ нему, если его будетъ тяготить одинокая жизнь въ деревнѣ.

Рудинъ недолго послѣ этого скитался.—Онъ погибъ на баррикадѣ въ Парижѣ 26 іюля 1848 года, когда возстаніе „національныхъ мастерскихъ“ было уже почти подавлено.
